

ГУЛАГ В РОССИЙСКОЙ ПАМЯТИ

Сборник статей участников
российско-германской
исследовательской группы
в Пермском крае

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2) 614-361
Г 94

ГУЛАГ в российской памяти

Сборник статей участников российско-германской исследовательской группы в Пермском крае

Редактор русского издания: Роберт Латышов

Дизайн, вёрстка: Феликс Херманн, Павел Нагорских

Корректор: Вера Смородинова

Перевод с немецкого: Надежда Попонина, Любовь Мутовкина

Фотография обложки: Надя Дуглас

В брошюре представлены результаты исследовательского проекта «ГУЛАГ в российской памяти», в котором приняли участие немецкие и российские студенты и молодые учёные. Проект был осуществлён Центром изучения истории Восточной Европы при Бременском университете (Германия) совместно с пермским Молодёжным «Мемориалом» (Россия) в апреле – октябре 2009 года. Финансовая поддержка проекта оказана в рамках программы «Мастерская истории Европы» немецкого фонда «Память, ответственность, будущее». Издание самой брошюры стало возможным, благодаря поддержке Берлинского отделения международного общества «Мемориал».

Данное издание является русской версией брошюры, вышедшей в Бремене в апреле 2010 года. Мнения, выраженные в ней, являются исключительно мнениями авторов.

Перепечатывание и иное публичное использование, даже частичное, возможно только с указанием автора и источника

© Пермь, 2011

Forschungsstelle Osteuropa

MEMORIAL

Deutschland e.V.

Содержание

<i>Мануэла Путц, Ульрике Хун</i> Предисловие к немецкому изданию	3
---	---

ГУЛАГ, места памяти и музеи

<i>Мануэла Путц</i> Воспоминание и память в Пермском крае	10
--	----

<i>Роберт Латыпов</i> Место памяти Створ	15
---	----

Современные интерпретации прошлого

<i>Мачей Вонс</i> Напоминание о ГУЛАГе	20
---	----

<i>Мануэла Путц</i> Реплика	26
--	----

<i>Нина Вольф</i> Настоящее прошлого	30
---	----

<i>Ульрике Хун</i> Новые поколения	35
---	----

Окружающее пространство

<i>Юлия Пермякова</i> В мёртвом углу?	38
--	----

<i>Роберт Латыпов</i> Вызов моему поколению	40
--	----

<i>Карстен Клеге</i> Местные инициативы против неототалитарных тенденций	42
---	----

<i>Рамиль Фатхутдинов</i> Пермь как место памяти	45
---	----

<i>Валерия Яковлева</i> Отголоски ГУЛАГа	47
---	----

Культура памяти

Алеся Кананчук

Никто не забыт и ничто не забыто? 50

Роберт Латыпов

Феномен памяти россиян и наши перспективы 54

Ульрике Хун

Конец отчуждению? 58

Летняя школа как проект

Руководители 64

Участники 66

Партнёры 71

Предисловие к немецкому изданию¹

Мануэла Путц, Ульрике Хун

Пермский край находится на Урале, в тысяче километров восточнее Москвы. Сегодня он считается одним из самых политически либеральных регионов Российской Федерации. Пермь – административный центр края – даже называют «столицей гражданского общества». Многочисленные гражданские инициативы, содействие городских властей культурным новациям, их активное общественное признание, именуется многими экспертами как «пермский феномен».²

Такое развитие едва ли представлялось возможным до времени перемен 1991 года, так как вплоть до распада Советского Союза Пермь была, из-за расположившихся здесь заводов по производству вооружения, абсолютно закрытым для иностранцев промышленным городом. К тому же этот регион, расположенный на границе с Сибирью, имел традиционную славу, восходящую ещё к царской России, как край ссылок и лагерей. В сталинское время Молотовская область (так тогда называлась этот регион) была покрыта густой сетью лагерей ГУЛАГа. Сотни тысяч крестьян были насильно переселены сюда в так называемые спецпоселения. В начале 1970-х годов в Пермской области были основаны три строго секретных лагеря для политических узников и диссидентов.

Именно на основе опыта репрессий, которым была подвержена часть населения, ещё во время перестройки сформировались различные гражданские инициативы, которые

¹ Печатается в сокращенном виде.

² См. например <http://www.business-class.su/new/article.php?id=5737> (последнее посещение 11.02.2010).

поставили своей целью работу с тоталитарным прошлым и коррекцию новой государственной политики памяти. Эти люди являются активистами и по сей день. В Пермском крае относительно истории государственного террора возник уникальный ландшафт памяти, который мы анализировали в рамках нашей немецко-русской летней школы «ГУЛАГ в российской памяти» в июле 2009 года.

Три музея и множество вопросов

Три места памяти стояли в центре нашей программы. Первое место – единственный музей ГУЛАГа России, Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36». Второе памятное место – общественный музей исправительной колонии № 35, инициатива создания которого принадлежит бывшему надзирателю этого исправительного лагеря. И третье – запущенный и разрушенный исправительный лагерь Створ, который благодаря активистам «Меморнала» стал памятным местом. Кроме того, мы искали следы памяти о государственном терроре в самом городе Перми.

Нашей целью являлся поиск ответов на многочисленные вопросы. Кто сыграл главную роль в процессе увековечивания памяти о ГУЛАГе? Какова была их мотивация? Как они представляли прошлое? Что ставилось на первый, а какие темы уходили на второй план? При каких условиях возникали музеи, памятные места, памятники? Какой правовой статус они имеют сегодня? На кого они рассчитаны, кто их реально посещает, каким образом они популяризируются? Какие мысли выносят оттуда посетители, что они видят?

*Остатки ограждения
штрафного изолятора
бывшего лагеря Створ.*

Как местные жители – те, кто жил и живёт рядом – видят и помнят эти места? И не в последнюю очередь – в каких отношениях всё это находится с существующей в сегодняшней России официальной культурой памяти?

Понятия и их дефиниции

Место памяти (Erinnerungsort), музей (Museum), музейный комплекс, памятное место (Gedenkstätte) – немецкий словарный запас в этом поле разнообразен. В русском языке, напротив, все места, которые мы посещали в рамках летней школы, обозначаются только одним словом «музей». В действительности же только «Пермь-36» отвечает принятому пониманию музея как «постоянного учреждения общественного пользования, доступное обществу, служащее обществу и его развитию, которое с целью изучения, образования и просвещения собирает материальные свидетельства жизни людей и их окружающей среды, а также изучает, хранит и экспонирует их»³. Поэтому музей

³ См. определение Международного совета музеев ICOM, <http://www.museumbund.de/cms/index.php?id=135&L=0>, последнее посещение 18.1.2010.

«Пермь-36», как возникший на аутентичном месте, в немецком языке точнее можно обозначить как Gedenkstätte – понятие, которого в этом конкретном смысле нет в русском языке⁴.

Противоречит данному определению музея то, что в официальных документах названо «Общественным музеем ИК-35». Он находится в посёлке Центральном, на территории которого находится действующая и сегодня исправительно-трудовая колония. По этой причине въезд сюда для посторонних лиц возможен только при наличии специального разрешения. Расположенный в бывшей квартире и созданный бывшим надзирателем колонии Владимиром Кургузовым, этот музей точнее можно назвать словом «die Sammlung»⁵. Широкая образовательная и исследовательская работа не может быть проведена на базе того, что можно определить «предприятием одного человека».

С большими сложностями можно добраться и до территории бывшего лагеря, а ныне места памяти под названием Створ. После ликвидации в начале 1970-х годов исправительного лагеря и посёлка Створ к этому месту остался только один путь – по реке Чусовой. Активисты «Мемориала» с 2006 года активно работают с этим местом. Летом, когда путь по реке открыт, сюда приезжают волонтеры и проводят необходимые работы по оборудованию данного места как действующего места памяти. Ими уже оборудовано удобное место для причала туристов, установлены информационные таблички и указатели, сооружён импровизированный памятник из тех лагерных артефактов, что ещё можно найти в тайге. Кроме этого, волонтеры каждый год выкашивают траву и обновляют таблички. Как соглашается и сам инициатор проекта Роберт Латыпов, назвать Створ музеем было бы большой «дерзостью»⁶. В немецком языке адекватным обозначением этого места можно было бы предложить слова Erinnerungs, Gedenkort, в то время как в русском языке ещё только начинает внедряться выражение «место памяти».

Именно знакомство с такими различными местами позволило нам выявить многообразные пласты памяти, а затем раскрыть и сравнить часто противоречащие друг другу образцы интерпретации советской истории.

⁴ Словом «die Gedenkstätte» в немецком языке обозначается музей, а зачастую и целый музейный комплекс, который находится на аутентичном месте каких-либо событий, место памяти. Данному немецкому слову нет прямого эквивалента в русском языке. Более всего ему соответствует понятие «музейный комплекс». Музей – «das Museum» – это более общее понятие, служит местом, где собраны экспонаты и выставки по какой-либо теме, проблеме. Само здание музея и его расположение может и не иметь прямого отношения к проблеме. – *Прим. переводчика.*

⁵ Буквально «собрание, коллекция». – *Прим. переводчика.*

⁶ См. интервью с Робертом Латыповым в документальном фильме «Настоящее прошлого. ГУЛАГ в российской памяти».

Студентка Юлия Пермякова во время интервью с жителем посёлка Центрального.

Наша команда

Это была яркая и живая группа, которая на месте столкнулась с такими разными и порой противоречивыми реалиями. Участники с российской стороны – это студенты исторического факультета Пермского государственного педагогического университета, частично – студенты других пермских вузов. Некоторые из них на момент начала работы летней школы уже являлись волонтерами «Мемориала». За исключением одного историка из Томского университета, все участники были пермяками или уроженцами Пермского края.

Участники с немецкой стороны были частично студентами Бременского университета, частично – студентами, выпускниками и докторантами других университетов. Так как хорошее знание русского языка было необходимой предпосылкой для участия в проекте, то все немцы приехали со своим разнообразным и неоднозначным видением России. Две участницы выросли в бывшем Советском Союзе, другие заинтересовались Россией, её историей, языком, полемикой вокруг событий, происходивших в ней, в школьные или студенческие годы. Кроме этого, одна из участниц летней школы родилась и выросла в Австрии, другой участник – в Польше. Поэтому немецкая группа была «немецкой», скорее, лишь по университетскому образованию.

Возникновению одного сплочённого коллектива, как ни странно, способствовала эта внутренняя разнородность. В любом случае, российские и немецкие участники летней школы привезли с собой различные подходы, знания, понятия, через которые и было налажено взаимодействие и понимание.

Исследовательские методы и виды работы

После подготовительных семинаров в Центре восточноевропейских исследований в Бремене и в Пермском отделении общества «Мемориал» мы продолжили – и уже со-

вместно – свою работу в Перми. Перед выездом в исследовательскую экспедицию всем участникам была предоставлена возможность обсуждения на общем семинаре вопросов по поводу различия понятий: музей, памятное место, а также вопросов культуры памяти в России и в Германии.

С нашей точки зрения, наиболее эффективным оказалось разделение всей группы на смешанные, немецко-русские, рабочие подгруппы, в которых и велась собственно исследовательская деятельность во время экспедиции по краю. Группы могли пользоваться каталогом вопросов, который был заранее разработан на подготовительном семинаре в Бремене и который они дополняли и изменяли по своему усмотрению. В зависимости от разрабатываемой

Участники летней школы. Первый день встречи в Перми.

тематики, рабочие группы обращались к различным исследовательским методам. Одни проводили интервью с современниками тех лет, с экспертами, т. е. с инициаторами или сотрудниками музеев, а также вели беседы с посетителями учреждений и местными жителями. Другие же анализировали предложенные выставки и документировали окружающую обстановку памятных мест.

Постановка вопросов всех четырёх групп вращалась вокруг следующих комплексов тем:

1. История возникновения музея или места памяти. Мотивация и «миссия» основателей. Местоположение данного учреждения или места в окружающем ландшафте.
2. Исторические выставки как предмет исследования. Передача истории репрессий сквозь призму выставки.
3. Педагогическая концепция музея. Целевая группа и педагогические проекты.
4. «Память» места. Аутентичность места или инсценировка места и исторического наследия.

Эссе, вошедшие в данную брошюру, в основном базируются на результатах исследований, сформулированных в рабочих группах на заключительном семинаре по возвращению в Пермь.

Мачей Вонс во время работы на Створе.

Проблемы и противоречия

С самого начала в нашем проекте наблюдалась известная асимметрия. Она проявилась уже в том, что летняя школа финансировалась немецким фондом «Память. Ответственность. Будущее» и была задумана в рамках программы «Мастерская истории Европы». Данная программа подразумевала наличие как чётких ценностных представлений, так и мысли о поддержке одной европейской памяти, основанной на взаимопонимании и диалоге, преодолении конфликтов прошлого с помощью взаимодействия и рефлексии. Она должна была также опираться на научную традицию, которая лишь ограниченно сравнима с русским видением ситуации.

Работа была осложнена также и тем, что немецкие участники могли взглянуть на предмет исследования глазами чужого, тем самым сохраняя некую критическую дистанцию. Напротив, от русских участников, которые работали со своей собственной русской культурой памяти, требовался слишком высокий уровень саморефлексии. По этой же причине случалось так, что на немецких участников во время анализа оказывали влияние высказывания и поведение русских коллег, и поэтому сливалась граница между исследованием и объектом исследования.

С другой стороны, надо отметить, что в лице Пермского «Мемориала» мы нашли партнёра, который представлял взгляды, близкие немецким ценностным представлениям. Так что в дискуссиях мы относительно быстро достигли консенсуса, что, без сомнения, гораздо сложнее было бы достижимо при другом составе группы.

Выше уже говорилось, что состав исследовательской группы был весьма специфичен, в связи с чем справедлив вопрос: была ли наша летняя школа выражением хорошо функционирующего диалога между заинтересованными партнёрами? Иначе говоря, было ли наше исследование действительно настоящим и научным? В любом случае мы старались учесть при анализе как культурное происхождение, так и личные ценностные представления участников школы. И теперь представляем всё это в виде статей читателям данной брошюры. Личный вклад участника документирует в этой брошюре не только выработанные нами результаты исследований и дискуссий, но и уникальность самого автора, той культуры, из которой он происходит. Таким образом, статьи становятся источником знания о современном состоянии европейского общества, которое не могло избежать наследия XX века и следов прошлого.

Брошюра дополнена также видеофильмом «Что дальше?» пермского режиссёра Александра Романова, который документировал наряду с нашей работой и сами памятные места.

**ГУЛАГ,
места памяти
и музей**

Воспоминания и память в Пермском крае

Музеефикация пермских политлагерей

Мануэла Путьц

Снятие завесы, касающейся размахов сталинских репрессий, относится к потрясениям времён перестройки. Воспоминания о массовых расстрелах при Сталине, депортациях и переселениях, а также появившаяся информация о сталинской лагерной системе ГУЛАГ вселили тогда неуверенность в советское общество. В Москве, в тогдашнем Ленинграде и во многих других российских городах некоторые слои населения потребовали от Советского государства открыто взять на себя ответственность за совершённые преступления. В конце 1980-х годов сформировалось движение «Мемориал», которое и сейчас, через двадцать лет, является старейшим и активным институтом, противопоставляющим себя национально-патриотическому течению государственной политики в области истории и продолжающим борьбу за самостоятельное объяснение некоторых моментов в истории России.

Колонна членов общества «Мемориал» на демонстрации 1 мая 1989 года в центре Перми.

Пересмотр прошлого включал в себя не только переосмысление сталинского террора, но и репрессий, совершённых по политическим мотивам уже после смерти диктатора, то есть после 1953 года. Около 10 тысяч политических заключённых содержались в 1960–1980-е годы в советских лагерях, тюрьмах и психиатрических лечебницах. Три специальных лагеря для так называемых особо опасных государственных преступников находились и на территории нынешнего Пермского края. В лагерях под обозначениями ВС-389/35, ВС-389/36, ВС-389/37 с 1972 года и вплоть до распада СССР содержались заключённые в самой строгой секретности. В то время как официальные учреждения и официальная пресса отрицали существование политических заключённых, в подпольной литературе (самиздате) развивался широкий дискурс вокруг репрессий, заключений и ссылок. В подпольном бюллетене «Хроника текущих событий» эти специальные лагеря просто так и назывались – «пермские политлагеря». Позже в обиход вошли такие обозначения, как «Пермь-35», «Пермь-36» и «Пермь-37», которые сохранили в качестве обозначения свои коды. «Это были места в глубокой глуши, полностью изолированные от внешнего мира», – так писал о них в своих мемуарах бывший диссидент и заключённый Владимир Буковский¹. Эта характеристика подходит и к сегодняшним местам памяти, которые находятся там же, где были лагеря и где различные деятели пытаются увековечить их.

¹ Буковский В. И. Возвращается ветер. – Франкфурт-на-Майне, 1978, С. 314.

Об истории пермских политлагерей

Традиции заключения в той местности, где с 1972 г. находились учреждения ВС-389/35 и ВС-389/36, уходят корнями в 1940-е годы. Как и многие другие исправительные лагеря, эти две колонии за время своего существования и в ходе многочисленных управленческих реформ не раз меняли названия, подчинялись различным ведомствам, распускались, а позднее вновь восстанавливались. И всё это – не меняя своего географического положения.

Возникли пермские политлагеря первоначально как подразделения советской лагерной системы под управлением ГУЛАГа (Главное управление лагерей НКВД СССР). Во время Второй мировой войны с помощью заключённых в этом районе должны были быть сооружены гидроэлектростанции на реке Чусовой. После окончания войны и смерти Сталина бараки и другие строения использовались дальше как места отбытия наказаний. В то время как другие лагеря Пермского края постепенно закрывались², эти колонии, которые советские диссиденты позднее называли пермскими политлагерями, в 1972 году стали подчиняться только что созданному в посёлке Скальном управлению лагерей ВС-389 для содержания в них осуждённых уже не в первый раз.

Первый эшелон политических узников из мордовского лагерного комплекса ЖХ-385 был доставлен сюда в строгой секретности ночью 13 июля 1972 года. Узников разместили в лагере ВС-389/35, находящемся в посёлке Центральном, недалеко от станции Всесвятская (здесь же находился лагерный лазарет всего лагерного управления), и в лагере ВС-389/36, в деревне Кучино. Через несколько лет, согласно «Хронике текущих событий», политических заключённых стали интернировать и в колонию ВС-389/37, находившуюся в деревне Половинка.

К узникам трёх политлагерей относились выдающиеся представители правозащитного и национальных движений СССР, религиозных групп, а также известные диссиденты. Кроме того, целый ряд украинских и литовских партизан, которые в 1940–1950-е годы участвовали в национальных освободительных движениях, а также коллаборационисты, которые сотрудничали с немецкими оккупантами и были приговорены к 25 годам заключения. Среди заключённых были и уголовные преступники.

Предпринятые во время основания политлагерей и их передислокации меры явно показывают, что государственным учреждениям было более чем известно об особой политической активности большей части контингента узников. Возведённый в 1980 году «барак особого режима», в котором господствовали особо жёсткие условия заключения и камеры которого больше напоминали тюрьму, чем обычный лагерь, также свидетельствует об этом. Только политические перевороты, приведшие к распаду СССР, стали причиной освобождения политических заключённых. Исправительный лагерь ВС-389/36 был распущен

Освобождение из заключения в колонии ВС-389/35 («Пермь-35») последних политических узников в феврале 1991 года.

² Место лагеря Створ стало разрушаться в начале 1970-х гг. К истории бывшего исправительного лагеря и сегодняшнего памятного места смотри статью Роберта Латыпова.

в 1988 г., после того как большая часть заключённых была амнистирована и выпущена на свободу. Те заключённые, которые не попали под амнистию и продолжали отбывать срок, были переведены в лагерь ВС-389/35. Оттуда последние узники вышли на свободу только после полного распада СССР. Свидетельства об этом варьируют и называют даты между декабрём 1991 г. и февралём 1992 г.

*Бывшие
политзаключённые
пермских лагерей
во время встречи
13 июля 1992 года.
Фотография сделана
на фоне мемориальной
доски скульптора
Рудольфа Веденеева,
установленной на стене
больничного корпуса
колонии «Пермь-35».*

Путь переосмысления

Усилия по созданию на месте бывших пермских политлагерей памятных мест непосредственно связаны с конкретными событиями истории на постсоветском пространстве. Ключевую роль по пересмотру прошлого играли, в первую очередь, сами бывшие заключённые. Уже после ликвидации лагеря ВС-389/36 в 1989 году украинская съёмочная группа сняла документальный фильм по рассказам очевидцев о Василе Стусе – национальном украинском поэте, номинированном на Нобелевскую премию, который, будучи заключённым барака особого режима, погиб в сентябре 1985 года при невыясненных обстоятельствах. Его останки вместе с останками других погибших украинских узников были перевезены с лагерного кладбища в Киев и перезахоронены там.

13 июля 1992 года, к двадцатой годовщине прибытия первых политических узников из Мордовии в пермские лагеря, местное отделение общества «Мемориал» организовало встречу бывших узников в Горнозаводске, городе, находившемся недалеко от лагерей. Эта встреча имела своей целью непосредственную встречу всех узников трёх лагерей, сбор у них информации об условиях заключения, распорядке дня и т. д., а также предание широкой огласке с помощью местных СМИ происшедшего. Как раз в это время и были предприняты первые шаги по сохранению памяти об истории политических репрессий. Так, на здании бывшего лагерного лазарета лагеря ВС-389/35 появилась памятная доска с надписью: «Отсюда вышли на свободу последние политические узники коммунистического режима».

Тогда дальнейшая судьба здания бывшего лагеря ВС-389/35 была ещё неясной. Создать здесь место памяти о политических узниках впоследствии не получилось. Место лишения свободы в посёлке Центральном вскоре вновь начало функционировать под кодом ИК-35 как трудовая колония для лиц, совершивших уголовные преступления. И хотя мемориальная доска не была снята новым лагерным начальством, сегодня её могут видеть только заключённые и персонал лагеря ИК-35. Следовательно, её изначально задуманную функцию по напоминанию общественности о совершённых здесь политических репрессиях она больше не выполняет.

Уже на первой встрече в Горнозаводске в 1992 году бывшие политические заключённые потребовали одновременно с установкой мемориальной доски в посёлке Центральном создать памятное место на территории располагавшегося неподалёку бывшего лагеря ВС-389/36 («Пермь-36») в деревне Кучино. А если возможно – даже музея или мемориального комплекса. Учреждение ВС-389/36 в Кучино к тому времени было ликвидировано. Через два года после его расформирования специальные подразделения Министерства внутренних дел разрушили всё на самом особом режиме и вокруг него. А комплекс построек бывшего лагеря строгого режима был передан в пользование психоневрологическому интернату. Таким образом, подлинное состояние лагеря уже не было сохранено. С другой стороны, несмотря на разрушение или дальнейшее использование лагерных построек, часть территории бывшей зоны имела, в отличие от лагеря в Центральном, необходимое пространство для осуществления идей.

Виктор Шмыров, позднее ставший директором мемориального музея «Пермь-36», Александр Калих, один из учредителей и председатель Пермского «Мемориала», московские активисты «Мемориала» и бывшие узники привели с начала 1990-х годов в действие все возможные рычаги, чтобы получить территорию и создать там музей. Скоро к строительству музея подключились и волонтеры. С 1995 года на территории мемориального комплекса стали ежегодно проводиться интернациональные молодёжные летние лагеря³. Восстановительные работы выполняли двойную задачу: с одной стороны, познакомить молодых людей с самой темой политических репрессий, а с другой – реконструировать бывший лагерь теперь уже в качестве музея.

Территория бывшего особого режима была открыта для посетителей в декабре 1995 года. Отдельная общественная организация «Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» стала основой мемориального комплекса. В состав руководства этой организацией до сих пор входят бывшие узники, такие как Лев Тимофеев и Сергей Ковалёв, а также представители Международного «Мемориала». С помощью финансовой поддержки со стороны различных фондов стали возможными дальнейшее восстановление бывшего лагеря, профессионализация музея и научные исследования. С некоторого времени проект также поддерживает краевая администрация, ежегодно выделяя деньги из бюджета для работы учреждения. Названный самими сотрудниками организации единственным музеем ГУЛАГа в Российской Федерации, «Пермь-36» с недавнего времени стала ещё и местом в Пермском крае, привлекательным для туристов. Здесь имеются выставки, посвящённые советской лагерной системе, отделениям лагерей, находившимся на этой территории, а также советским гражданским движениям за права человека. С недавних пор в «Перми-36» ежегодно проводится фестиваль и гражданский форум «Пилорама».

Ревизия «встречной истории»

Как реакция на создание мемориального комплекса «Пермь-36» и предложенной там «встречной истории», в конце 1990-х годов совсем другой деятель начал прилагать уси-

У входа в мемориальный комплекс «Пермь-36».

³ См. также статью Ульрике Хун в этой брошюре.

*Владимир Кургузов,
основатель
общественного музея
ИК-35 в посёлке
Центральном.*

лия по созданию мемориала на месте бывшего исправительного лагеря ВС-389/35. Это была инициатива Владимира Кургузова, бывшего надзирателя и ветерана уголовно-исполнительных органов. 9 мая 1998 года в посёлке Центральном он открыл общественный музей ФГУ ИК-35. Уже выбранная дата открытия в День Победы говорит о том, что это привязка к государственной традиции памяти. И действительно, постановка цели, композиция его выставки диаметрально противоположны представлению истории, которую мы видим в музее «Пермь-36».

Его выставка рассказывает историю уголовно-исполнительных учреждений и лагерного распорядка с перспективы лагерного персонала и сотрудников государственной исполнительной системы. Заключённые же рассматривались с этой перспективы в первую оче-

редь как преступники, независимо от статьи, по которой они были осуждены. Преследуя цель ознакомить сегодняшних молодых работников с профессиональной традицией их предшественников, музей помещает уголовно-исполнительную систему в контекст её 130-летнего существования в Пермском крае и показывает её непрерывность. Сталинский ГУЛАГ образует при этом очень важную логическую привязку. Без сомнения, выставку открывает интересная экспозиция в «логику системы», а также в мир тех, кто работал в уголовно-исполнительной системе и, таким образом, стоял по другую сторону лагерного забора. Разумеется, предложенная на выставке интерпретация истории несёт другой, чем в «Перми-36», дух национально-патриотических взглядов и слишком глубокий отпечаток советской эстетики. Отсутствует критический взгляд, репрессии останутся неупомянутыми. Здесь речь идёт не о переосмыслении истории в немецком смысле⁴. И, как ни странно, Кургузов ведёт, как и активисты «Мемориала» и мемориального музея «Пермь-36», борьбу против забвения.

Конкурирующие истории профессионалов

«История – это всегда настоящее». Так звучит заглавие книги по современной истории. Это не только своеобразный педагогический вызов, а скорее, указание на то, что различные деятели – политики, историки, авторы выставок, музейные педагоги, авторы учебников по истории – конструируют прошлое на основе источников, которыми они располагают в современности⁵.

Субъективность и конструирование истории – эти факторы на примере памятных мест в Пермском крае становятся ещё более очевидными. Потому что насколько похожими были условия заключения, распорядок дня и история исполнения уголовных наказаний в трёх пермских политлагерях во время их существования, настолько различными оказываются интерпретации и представления их истории в современ-

4 О мемориальном музее «Пермь-36» смотри официальный сайт <http://www.gulagmuseum.ru/eng/museum/history>, а также статью Мачея Вонса в этой брошюре.

5 Ср. статью «Конец отчуждению? О немецко-русской летней школе в Перми» Ульрике Хун в этой брошюре.

ности. В зависимости от расстановки интересов людей и, соответственно, их мировоззрения создаются различные образы истории, в которых некоторые аспекты выделяются и подчеркиваются, а другие игнорируются или вообще полностью вытесняются.

Показательными для российского ландшафта памяти, тем не менее, не являются ни мемориальный комплекс «Пермь-36», ни выставка Владимира Кургузова в общественном музее ИК-35. В обоих случаях речь идёт об единичных феноменах, которые возникли в результате личной ангажированности, личных убеждений и по собственной инициативе. Наряду с широким спектром толкований истории пример пермских политлагерей показывает, что Российское государство из всех потенциально имеющихся заинтересованных сторон меньше всех заинтересовано в преодолении истории. Примечательным для современной политики является то, что до сих пор не нашлось ни одного человека, который бы проявил свой практический интерес напомнить о прошлом третьего места «пермского лагерного треугольника» — колонии «Пермь-37», находившейся в деревне Половинка. Исправительное учреждение ещё и сегодня функционирует на том же месте, на которое в 1970–1980-е годы были интернированы выдающиеся представители, прежде всего, религиозных движений СССР. До сих пор ещё никто не придал этому месту исторического значения. Между тем в «Перми-37» также заключена непрерывность советской лагерной системы, которая пережила все политические кризисы XX века.

Отсутствие государственной политики по переоценке истории, которая хотя и ощущает эту непрерывность, но не осуждает её, фактически противостоит активному преодолению прошлого и критическому разбору истории политических репрессий. Потому что там, где активисты или энтузиасты не заполняют вакуум вытеснения и забвения, изложение истории советской пенитенциарной системы и связанных с ней политических репрессий оказывается за кадром.

Место памяти Створ

Роберт Латыпов

Каждый, кто занимается темой политических репрессий в Советском Союзе, стоит перед вопросом, какие подходы и формы выбрать для её изучения. Для Пермского «Мемориала» принцип активного участия всегда являлся самым приоритетным. Он базируется не только на стремлении проинформировать людей и просветить их на тему государственного террора, но также делает ставку на их активное и осознанное участие по восстановлению и укреплению памяти. Ведь для нас целью является преодоление влияния тоталитарного прошлого в настоящем времени. Каждый пришедший к нам должен иметь возможность принять участие в работе с памятью.

Скажу больше — для нас сам толчок к активной работе и гражданской заинтересованности значит подчас больше, чем работа с научными исследовательскими выводами и традиционная образовательная работа, в которой люди обычно являются пассивными

Указатель в «музее без гида» на Створе.

потребителями информации, объектами наших образовательных усилий, а не субъектами, которые активно принимают участие в процессе. Каждый из наших проектов – это эксперимент. Мы всё время находимся в поиске, наши усилия направлены на будущее. Одним из таких экспериментов является создание «музея без гида» на месте памяти Створ.

Так же, как и мемориальный музей политических репрессий «Пермь-36», сегодняшнее место памяти Створ – это территория бывшего исправительно-трудового лагеря. Створ тоже находится на берегу реки Чусовой, но в другой стороне, нежели музей «Пермь-36». Это место расположено в 20 километрах вверх по течению реки от города Чусового. Здесь уже нет посёлка или деревни – одна тайга. От бывшего лагеря осталось совсем немного. Туристы и жители окрестных деревень растащили в

1970–1990-е годы всё, что только было возможно. Теперь эта территория является незаселённой, заброшенной, заросшей ивняком и березняком. Энтузиастам, решившим здесь построить музей (место памяти), очень даже несладко. Не хватает дров и чистой питьевой воды, а летом здесь засилье комаров и мух. Мобильной связи с городом нет. Добраться до Створа можно только водным путём. И тем не менее это место обладает лучшими предпосылками для нашего эксперимента.

Свою историю Створ ведёт с конца 1942 года, когда советское правительство приняло решение о строительстве Поньшской ГЭС. В годы войны промышленность Прикамья нуждалась в новых источниках электроэнергии. И решение этой проблемы видели не только в строительстве новых угольных шахт, но и в возведении на пермских реках Усьве, Косье и Чусовой маломощных гидроэлектростанций. Ответственным за их возведение по привычной традиции сталинских лет стало Главное управление лагерей (ГУЛАГ) при НКВД СССР. На строительных работах использовались в основном заключённые специально созданных исправительно-трудовых лагерей – Поньшлага, Широкага и других. Управление Поньшского исправительно-трудового лагеря находилось на станции Всесвятская, а основная его зона была построена здесь – в урочище Створ, где хотели построить основную плотину на реке Чусовой. Тысячи людей, большую часть которых составляли так называемые «политические», т. е. осуждённые по печально известной 58-й статье УК РСФСР, в глухой тайге рубили лес, корчевали пни, подготавливая ложе водохранилища и базу будущей гидроэлектростанции, добывали уголь, строили бараки, жилые и хозяйственные объекты.

Первоначально все постройки носили временный характер, так как планировали построить ГЭС за два года. Лютые холода, голод и болезни выдержали немногие. Сотни людей умерли, не вынеся исключительно тяжёлых условий труда и жизни. При этом строительство плотины так и не было завершено – в 1944 году все работы были свёрнуты. Лагерь на какое-то время стал «проверочно-фильтрационным» для бывших советских военнослужащих, прошедших ранее фашистские концлагеря.

В 1946 году отдельный лагерный пункт Створ приобрёл статус лагеря для принудительных каторжных работ, в котором опять же должны были отбывать политические заключённые. С приобретением нового статуса и соответствующим ужесточением ре-

жима содержания смертность среди более 2500 узников резко возросла. После смерти Сталина и массовых амнистий зона сохраняла статус «политической» до 1962 года, когда она была преобразована в самостоятельную колонию общего режима № 33, просуществовавшую до 1972 года. С закрытием зоны прекратил своё существование в 1975 году и посёлок Створ, в котором проживали семьи охранников.

Для нас, активистов «Мемориала», имеет огромное значение тот факт, что Створ был единственным каторжным лагерем в сталинское время, находившимся на территории Пермской (бывшей Молотовской) области. Он отличался от остальных исправительных лагерей особенно жёсткими условиями содержания узников, которые, как мы сегодня знаем, были невиновными.

Возведение памятного места именно на этом месте имеет ещё одно преимущество. В Пермском крае очень развит водный туризм. А Створ очень выгодно располагается на отрезке реки между посёлком Усть-Койва и городом Чусовым, так как это один из популярнейших туристских маршрутов в Пермском крае. По нашим подсчётам, за сезон мимо этого места проплывают на своих катамаранах, лодках, байдарках около десяти тысяч человек. Среди них много взрослых молодых людей. Если даже всего лишь часть из них будет делать остановку на Створе, то таким образом большое количество людей коснётся истории политических репрессий и этого бывшего лагеря.

В самом начале наших восстановительных работ летом 2007 года необходимо было сделать это памятное место хорошо видимым с реки. Хотя к нему можно добраться только по воде, даже с этой перспективы остатки лагеря едва заметны. Нам было важно выделить место с помощью знаков, символов и надписей, чтобы оно бросалось в глаза и будило любопытство туристов.

Мы очистили небольшую площадку на территории бывшего лагеря – скосили траву, убрали кусты. На кирпичной стене разрушенного здания мастерских, обращённой к реке, появилась большая надпись «Бывшая политзона СТВОР». У основания другой стены волонтерами была сооружена пятиметровая деревянная конструкция, имитирующая лагерную вышку. Строительство именно такой конструкции было чистой импровизацией. Но оказалось, что она как нельзя лучше походит и по смыслу, и по назначению к этому месту. На четырёх её гранях были установлены стенды, рассказывающие об истории этого лагеря, а также информирующих об общем количестве жертв террора в Пермском крае; размещена архивная копия схемы лагеря 1951 года. Помимо этого, на вышке были закреплены элементы лагерного быта – решётки, «колючка», плафоны освещения периметра зоны и даже... лагерный рельс, ударами о который в своё время определялся режим дня заключённых. Каждый пришедший сюда теперь может тоже ударить в него, отмеряя тем самым время от начала своего непосредственного знакомства с гулаговским прошлым. Все предметы были найдены волонтерами в ходе разведки местности и осмотра бывшего лагеря.

В следующем году уже другая группа волонтеров занималась выделением наиболее важных фрагментов и объектов этого места. Таких объектов было выбрано два – жилой барак для заключённых и штрафной изолятор. Ими же началась и установка сравнительно

Путь участников летней школы к месту памяти Створ.

Деревянная конструкция с информационными стендами на территории «музея без гида» на Створе.

небольшого информационного сопровождения в виде указателей и новых стендов, которые смогли бы дать новую и важную, прежде всего для молодых людей, информацию и пищу для серьёзных размышлений.

Материалы, которые мы для этого использовали, были легкодоступными и дешёвыми, то есть мы прибегли к дереву и принесённой бумаге, краскам и лаку, так как нам было ясно, что пока нам не следует много сюда инвестировать. И это был вовсе не вопрос наших финансовых средств, а в гораздо большей степени – нашей стратегии. Мы хотели проверить, вызовет ли наш проект резонанс в обществе, как люди будут к нему относиться и не будет ли вообще это всё украдено или разрушено. И не только рукой человека, а, прежде всего, самой природой, ветром, дождём и снегом. Даже если большую часть разрушит зима, то можно было бы с помощью волонтеров всё легко восстановить летом следующего года. Сначала мы хотели вдохновить таким образом участников, чтобы они могли импровизировать и проявлять себя. Створ должен был стать тем местом, где «личный взгляд на историю России» приобрёл бы новые формы сохранения памяти и культуры памяти.

Само собой разумеется, из-за уже названных причин мы не имеем ни ресурсов, ни возможности открыть на Створе настоящий, классический музей, в котором бы были представлены различные экспонаты и документы на постоянно работающей выставке. Мы не можем этого сделать и при этом не считаем нужным. Бывший лагерь сам по себе – это огромный и крайне интересный экспонат под открытым небом, своеобразный музей под открытым небом. Выразительные и сами за себя говорящие фрагменты и артефакты бывшего лагеря образуют основу тому: фундаменты барачных, останки мастерских и многочисленные предметы обихода, предметы повседневной жизни узников ГУЛАГа. Люди, которые приезжают на Створ, должны иметь возможность принять участие в процессе реконструкции прошлого как активные субъекты, а не просто как пассивные потребители информации.

Я знаю, что всегда найдутся те, кто не поймёт, зачем мы делаем эту работу. И конечно, найдутся критики, которые осудят наш дилетантский подход по сохранению памяти. И может быть, они упрекнут нас в том, что мы такими действиями игнорируем основу таких понятий, как «историческое исследование», «реконструкция памяти», «музей». Но меня это не пугает. Потому что этот проект молодёжной работы содержит нечто важное, нечто позитивное, которое выгодно отличает его от других попыток понять историю трагического прошлого и сталинизма.

Современные
интерпретации
прошлого

Напоминание о ГУЛАГе

Одна система, две перспективы

Мачей Вонс

В брошюре об общественном музее исправительной колонии № 35 я прочитал, что музей считает своей первоочередной задачей «воспитание любви к Отечеству, уважение к истории и культуре своего народа»¹. С любопытством спрашиваю себя: каким образом музей хочет достичь этой цели и какой вклад он может внести в патриотическое воспитание? Немного разочаровавшись после прочтения первых страниц, я понял, что сформулированная основателем музея Владимиром Кирилловичем Кургузовым педагогическая цель ориентирована не на широкие массы, а на кадровый состав и подрастающую смену уголовно-исполнительной системы. Он хочет поведать им и остальным посетителям выставки свою правду о советской пенитенциарной системе².

Задуманная им выставка ведёт нас по различным эпохам российской/советской истории. В соответствии с целевой группой темы «служба с оружием» или «война» занимают главенствующее место. Так, например, одной из тем стала Отечественная война 1812 г. и показаны её русские герои. В выставочном зале под названием «Они защищали Родину» почитаются те работники уголовно-исполнительной системы, которые принимали участие в Великой Отечественной войне. То есть подразумевается, что они в период Второй мировой войны и после неё продолжили службу в уголовно-исполнительной системе или поступили на неё.

Выставочный зал в общественном музее ИК-35.

Посетитель узнает, что своим участием они, находясь далеко за линией фронта, в Пермской (тогда – Молотовской) области, внесли существенный вклад в обеспечение фронта и, таким образом, в разгром врага. Также это были и узники уголовно-исполнительной системы, которые во время Великой Отечественной войны произвели более 70 миллионов единиц техники для борьбы с врагом. В зале выставлены униформа, оружие и боеприпасы из времён Великой Отечественной войны.

Кроме этого, упоминается тема и Чеченской войны. В музее Кургузова выставлены её «немые» свидетели – артефакты. В духе патриотизма и в традиции защиты Родины показаны солдаты, которые служили в так называемых горячих точках, например, в Чечне. Многочисленные дипломы, медали и награды свидетельствуют об их самоотверженности. На стене висит плакат со словами «Отчизна, верность и братство» и девиз «Совесть и честь».

Владимир Кириллович Кургузов объясняет в брошюре к выставке, что он категорически не согласен с распространённым взглядом на историю уголовно-исполнительной

1 См. брошюру Владимира Кургузова «Общественный музей ФГУ ИК-35» (2007). Все используемые в тексте цитаты взяты из этой брошюры, номер страницы дан в скобках.

2 См. также интервью с Владимиром Кургузовым в документальном фильме «Настоящее прошлого. ГУЛАГ в российской памяти».

системы, который представляет её как «бессердечную машину», которая «ломает человеческую судьбу» (с. 5). Так вот, не должна ли действительно уголовно-исполнительная система иметь «человеческую сторону?»

Эту «человеческую сторону» и мир сотрудников уголовно-исполнительной системы Владимир Кургузов хочет задокументировать в своём музее: показать фотографии, на которых бывшие работники принимают участие в собраниях, праздниках и памятных днях, а также то, как они проводят свободное время, занимаются спортом, поют в хоре или организуют экскурсию в Бородино. На представленных фотографиях можно увидеть, как сотрудники колонии участвуют в субботниках, сортируют картофель, улучшают подъездные улицы. Особенно радостными кажутся сотрудники во время соревнований по ловле рыбы и охоте. А ведь уголовно-исполнительная система состоит не только из надзирателей. Как можно увидеть по фотографиям, там работают и бухгалтера, кладовщики и другие гражданские люди. И у работников есть семьи. На экспозиции мы знакомимся с целыми династиями, которые служили в системе. В то время как дети посещали местные детские сады и школы, родители лелеяли надежду, что их дети пойдут по их стопам и примут её наследие.

На выставках представлены биографии бывших сотрудников, например, Петра Кетова. Сначала солдат Великой Отечественной войны, в 1947 году он начал служить в уголовно-исполнительной системе. В его карьере – руководство следственной тюрьмой Кусьинлага, а потом и исправительной колонией №10 в посёлке Центральном. После выхода на пенсию он стал исполнять обязанности главы исполнительного комитета города Горнозаводска. Благодарные жители посвятили ему стихотворение. Пётр Кетов, говорится в выставке, *«дарил людям радость. Его резьба по дереву помогала людям увидеть красоту окружающего их мира»*. Его добровольная работа в качестве воспитателя молодёжи в исправительном учреждении ИК-35 не остаётся без внимания, как и сфера его личной жизни. Потому что вместе с ним несла службу и его супруга.

«Если где-то возникала ошибка, тогда мы пытались её исправить и на этом учились», – объясняет Владимир Кургузов (с. 3). Но действительно ли выполнялось это заявление, о котором сообщается в выставке? Не рассказывается ли здесь о прошлом, больше похожем на историю о героях, рыцарях без страха и упрёка, вместо того чтобы критически подойти к вопросу? Не заложена ли проблема в самой концепции? Ведь если осуществлять воспитание только на «лучших примерах» (с. 1), то мы неизбежно придём к тому, что будем отодвигать проблемы в сторону, заставим их исчезнуть. Или их не показывать? Разве для воспитательных мероприятий не достаточно «лучших примеров»? Не являются ли они достаточно содержательными?

По моему мнению, большее внимание на выставке следовало бы уделить анализу ошибок. В первую очередь, это даёт возможность критического подхода и шанс избежать ошибок в будущем. Всё остальное кажется перед этим положением фарсом.

«Если где-нибудь встречалась ошибка». Одно только ударение «где-нибудь» создаёт у меня впечатление, как будто точно неизвестно, где же следует искать эту ошибку. Ошибки, таким образом, объяснены как маловажные. Если же поставить цель рассмотреть «ошибки» поподробнее, тогда становится необходимым думать дальше и спрашивать, какого рода были эти ошибки. Были ли они «технической» или «идеолого-политико-моральной» природы? Для меня это большая разница.

Что касается «технической стороны», то нет никакого сомнения, что во время обучения сотрудники занимались темой побегов и мерами их предотвращения. Они явно учились, как следует подавлять восстания и бунты и какая реакция является уместной в опасной ситуации. Знания такого рода являются их профессиональным инструментом, и понятно, что об этом не говорится публично.

Для меня лично больше интересна «идеолого-политико-моральная» сторона. Она не упоминается, она остаётся за кадром. В моём же понимании именно критическое рассмотрение данной проблемы имело бы в музее с такой постановкой цели самое подходящее место. Не следует ли именно там, где обучаются надзиратели тюрем и колоний, говорить о несправедливости системы? Как можно было бы показать несправедливость и распознать её? Если посмотреть на историю ГУЛАГа, то видно, что в исправительных лагерях сидели и обычные криминальные преступники, как, например, убийцы, которые приговариваются к тюремному заключению и во многих других странах мира. Но как во времена сталинского правления, так и после его смерти в 1953 году, в исправительных колониях содержались и заключённые, осуждённые по «политическим» статьям Конституции СССР. До 1960 года – по статье 58-й, после этого – по 64-й статье, т. е. за «предательство Родины», по 70-й статье – «за антисоветскую агитацию и пропаганду», или по 77-й – за «бандитизм». Язык советской юстиции маскирует, что по вышеперечисленным статьям были осуждены по большей части диссиденты, критики системы или люди, борющиеся за независимость их республик.

Хотя можно привести такой аргумент, что каждое государство нуждается в уголовно-исполнительной системе и что нужно уметь служить своему Отечеству. Но лично мне кажется, что в музее Владимира Кирилловича Кургузова из виду упускается очень важный аспект: чувствительность, учёт персоналом исправительных учреждений статьи приговора заключённых и, более того, роль собственного разума, то есть возможность самому принимать решения. И если от работника такого учреждения в первую очередь ожидается, что он будет только слепо выполнять приказы, то этот аспект не должен игнорироваться.

Совсем другая перспектива на уголовно-исполнительную систему в Советском Союзе открывается на выставках в мемориальном музее истории политических репрессий «Пермь-36». Уже название места является программой. Здесь меньше говорится об «уголовно-исполнительной системе», а больше – о совершённых в Советском Союзе политических репрессиях. Уже на входном билете написано, что мы вступаем на территорию единственного музея ГУЛАГа в России, который находится на своём историческом месте. Здесь большая территория, охватываю-

Копия архивно-следственного дела Клавдии Бернер на выставке «ГУЛАГ: история, подневольная работа и лагерная повседневная жизнь» в мемориальном комплексе «Пермь-36».

щая территорию бывшего исправительного лагеря и поэтому предлагающая достаточно места для различных выставок, в противоположность музею исправительной колонии «Пермь-35», который находится в четырёхкомнатной квартире жилого дома.

Так, на выставке, посвящённой подневольной работе в советской лагерной системе и располагающейся в бывшем бараке для заключённых, рассказывается, какую роль играл ГУЛАГ в экономике страны. Так мы узнаем, что на основе 58-й статьи Уголовного кодекса в сталинское время в лагерь мог попасть практически каждый. Во времена правления Сталина дешёвая рабочая сила, по сути рабы, должна была мотивироваться к труду за счёт поощрительной системы – возрастающей «пайки». Кто не хотел выполнять трудовую норму или больше не мог её выполнять по причине тотального изнеможения организма или из-за травмы, за короткий срок становился заключённым, который сам доходит до смерти, «доходягой».

В 1940–1950-е гг. в Молотовской области (сегодня – Пермский край) было около 170 лагерных пунктов. С помощью географических карт даётся обзор размаха советских лагерей. Рисунки и эскизы заключённых из различных лагерей передают повседневные

Реконструкция заграждений на территории бывшего участка особого режима в мемориальном комплексе «Пермь-36».

вания лагеря. Таким образом, сегодняшние посетители могут посмотреть во время экскурсии на камеру карцера с перспективы надзирателя, то есть через глазок в двери. Или оглядеть всю территорию, находясь на смотровой вышке. Но также возможно и изменить перспективу, «пережить» лагерь, будучи «заключённым»: вы можете проделать путь от жилой зоны к рабочей зоне, при этом пройти через контрольно-пропускной пункт. Или же выбрать путь по направлению к карцеру, приблизиться к забору с колючей проволокой и, таким образом, воспринять чувство безнадежности заключённого, как свои собственные чувства. Если вы захотите, то сможете подняться в «чёрный ворон» – в тёмную, тесную и летом ужасно жаркую тюремную машину.

Всё дело в пространстве – именно оно потрясает посетителей «Перми-36». Но имела бы выставка, базирующаяся на этой концепции, такое же значение для жителей

посёлка Центрального и работников исправительной колонии № 35? Ведь они живут в непосредственной близости с исправительной колонией. Наблюдательные вышки, заборы и колючая проволока принадлежат к их повседневности. Когда дети утром идут в школу, они первым делом видят наблюдательные вышки. Для них это точно не событие – встретить заключённого. У них тоже есть свой «собственный» музей. И хотят ли они вообще «другую» историю, чем та, которая представлена в их поселковом музее?

Без сомнения, выработка другого взгляда на тоталитарную систему – тяжёлая и зачастую болезненная работа. Но это лишь сигнал, что неправильно считать для себя приемлемой только героическую, прославленную и приятную историю. Патриотизм означает не одну только героичность прошлого, а то, что история должна быть принята со своими светлыми и тёмными сторонами. На выставке Кургузова отсутствует взгляд на трагедию заключённого. Каждая из них уникальна и не сводится к выставленной контрольной карте, как это следует из его выставки. Тот, кто утверждает, что выставка полноценна, что она показывает все грани, тот неправ. Это всё равно что одинокий Солженицын между произведениями Ленина и Сталина или экземпляр изданной Пермским «Мемориалом» Книги памяти жертв политических репрессий, между многочисленными публикациями о Великой Отечественной войне – то есть они не представляют ещё гармоничности и пропорциональности.

Редко противостоящие друг другу толкования о репрессивной системе в Советском Союзе бывают такими чёткими и наглядными, как эти два места памяти – «Пермь-35» и «Пермь-36». В то время как в «Перми-36» висит Декрет о красном терроре 1918 года, в «Перми-35» вывешены почётные дипломы за выдающуюся службу сотрудников уголовно-исполнительной системы. При этом игнорируются такие нарушения среди надзирателей, как алкоголизм, кражи, потеря оружия, дезертирство или издевательства над заключёнными³. Владимир Кургузов пытается подчеркнуть в своей выставке с помощью документов человечность и патриотизм работников «Перми-35». Он не отрицает существование системы ГУЛАГа. Даже наоборот – она имеет центральное значение для его жизни. Когда он пишет об уважении по отношению к истории и культуре народа, то становится ясно, что под «народом» он подразумевает своё ближайшее окру-

³ Анне Эпплбаум пишет в своей истории ГУЛАГа, что надзиратели и работники лагеря по этим причинам регулярно подвергались арестам. Анне Эпплбаум. ГУЛАГ. – Берлин, 2003, с. 286. (Anne Applebaum, Der Gulag, Berlin 2003, S. 286).

жение, т. е. сотрудников уголовно-исполнительной системы и их семьи. Поэтому композиция его выставки одновременно поднимает для меня вопрос, насколько вообще возможно для такого, как он, когда-нибудь переосмыслить своё мировидение. Есть ли вообще какой-то шанс?

На этом месте можно, конечно, и выразить критику по поводу музея «Пермь-36». Музей не использует полностью своего потенциала. Барак особого режима после пожара в 2004 г. всё ещё закрыт для посетителей. Мемориальный комплекс мог бы распространять информацию об истории репрессий за пределами территории бывшего лагеря, прежде всего в форме публикаций или хотя бы сопровождающего выставку каталога. Время, когда лагерь был «красной зоной», давно прошло, но непропорционально много отдано рассказу о времени диссидентов. При описании экспонатов отсутствуют указания на источники.

Хотя, по моему мнению, эту инициативу по созданию музея следует высоко оценить и рассматривать как необычное событие, которое представляет сегодня неопределимое обогащение российской культуры памяти и вносит вклад в дифференциацию и различную оценку советской истории. Этот совершённый шаг к «неоднородности» находится в традиции, которая приводит иногда к поразительным итогам. Так, политические заключённые лагерей Мордовии и Перми уже в 1970-х годах объявили 30 октября Днём политических узников в СССР⁴. Кто бы мог тогда подумать, что в недалёком будущем бывший агент КГБ, теперь уже в качестве российского президента, в День памяти жертв политических репрессий поедет в Бутово, чтобы там, на месте, совсем недавно ставшем известным общественности как место массовых расстрелов, почтить память жертв сталинского террора? Это произошло 30 октября 2007 года. А через два года, 30 октября 2009 года, сегодняшний президент России – Дмитрий Медведев – объявил, что не может найти оправдания сталинскому террору⁵.

Критики могли бы сказать, что за словами должны последовать действия. Я уверен, что героизация и мифологизация российской/советской истории со стороны государственных властей будет продолжаться ещё очень долго. Но мы видели здесь, в Пермском крае, насколько по-разному может быть представлена и интерпретирована репрессивная система на местном уровне. Без сомнения, в России ещё долго будут существовать бок о бок эти два видения проблемы. Поэтому каждый знак и каждый шаг очень важны. Они, как пример с музеем истории политических репрессий «Пермь-36», становятся трещиной в советско-российском монолите.

*Карточка заключённого
Владимира Буковского
из картотеки
лагерного учреждения
ВС-389/36.
Экспонат выставки
общественного музея
ПК-35.*

4 Хроника текущих событий. // № 33 от 10.12.1974, с. 3.

5 <http://news.kremlin.ru/transcripts/5862/print>

Реплика

Мануэла Путьц

После посещения общественного музея исправительной колонии № 35 почти все участники нашей летней школы были шокированы. Показанное в выставке изложение истории показалось им гротескным, её содержание неприемлемым и несовместимым с их личными ценностными представлениями. С самого начала летней школы они готовы были к тому, чтобы всем вместе размышлять на темы переоценки прошлого, политических репрессий, которые наконец должны стать частью национальной российской памяти, и поговорить также о задачах Российского государства, которое должно взять на себя ответственность за совершённые в советское время преступления. Посещение общественного музея исправительной колонии № 35 привело участников к соприкосновению с мнением, которое лежало за пределами их оценки прошлого и которое в один голос было отвергнуто как немецкими, так и российскими студентами. Господствующий в нашей исследовательской группе консенсус по поводу того, что переосмысление прошлого является необходимым, стал восприниматься как общепринятая норма, а музей Кургужева и его интерпретация советского прошлого – как нарушение ошибочно предполагаемой общепринятой точки зрения.

По ходу исследования становилось всё очевиднее, что понимание проблемы должно базироваться на современных российских реалиях, и это не может не вносить коррективы в наши выводы. Тот, кто исходит из необходимости преодоления прошлого, вынужден снова и снова констатировать отсутствие государственной политики по переоценке прошлого и пассивность населения в отношении этого процесса. Для глубокого понимания истинного положения вещей следовало бы спросить о том, что вообще могло бы сподвигнуть Российское государство сделать сегодня сталинский террор одной из центральных тем национального значения.

Уже в советское время власти предприняли всё для того, чтобы соорудить миф победителей, выстроенный на основе представления чёткой дихотомии жертв и преступников. Советский народ как жертва и победитель – с одной стороны, немецкие захватчики и коллаборационисты-предатели – с другой стороны. Эта иллюзия однозначности должна была действовать как фактор объединения для советского народа, который понёс действительно много потерь на войне, и стабилизировать государственное устройство с помощью широкого почтения героев. Миф о победе создал позитивное, опорное для государства самосознание, которое должно было противостоять различным центробежным силам.

В противоположность этому, с помощью темы сталинского террора нельзя было тогда и сейчас создать опорный для государства позитивный миф, даже если численность жертв сталинских репрессий обозначить двузначным числом в миллионах, как и жертв войны. Никогда сталинский террор не был направлен на «внешних врагов», он с самого начала был направлен на свой собственный народ. *«При воспоминаниях о терроре сложно провести разделение ролей. Мы не можем решить, кто есть «мы» и кто «другие», – констатировал председатель Международного «Мемориала» Арсений Рогинский на конференции по*

истории сталинизма в конце 2008 г.¹ Рогинский отметил одновременно одну из главных проблем и одно из главных препятствий для переосмысления прошлого, а именно «невозможность отделить зло»².

В конце концов, главные преступники террора были видные государственные деятели, которые и по сей день считаются «своими», отделение которых возможно только условно. Представление отношений жертв – преступников дальше становится ещё сложнее, потому что многие из преступников вскоре сами становились жертвами террора. И так, в отношении сталинского террора с перспективы государства нет никаких предпосылок к тому, чтобы создать у населения положительное самосознание. Это причина, по которой память о павших героях Великой Отечественной войны и сегодня затмевает память о жертвах сталинского террора. К тому же Советский Союз, который вышел из войны победителем, никогда не был вынужден раскрывать «негативную» сторону, на которую, примерно как в Германии, в работе с виной за войну и холокост, государственная политика переосмысления прошлого могла бы опираться.

Поэтому неудивительно, что современная государственная политика в России не показывает интереса проводить политику по переоценке прошлого, не выдвигает сталинский террор как вопрос национального значения. Одновременно это устанавливает рамки для спектра действий деятелей переоценки, то есть таких объединений, как «Мемориал» или ассоциаций бывших репрессированных. Это помогает объяснить, почему память о сталинском терроре там, где она вообще появляется, говорит о жертвах террора, но, как правило, полностью вытеснила вопрос о преступниках.

Музейный комплекс «Пермь-36», который мы посетили, ориентируется на европейские начала и образцы переосмысления прошлого. Он частично финансировался западными фондами, и работники музея предприняли попытку представить проблему отношений преступников и жертв визуально внутри одного общества. На одной стене портреты репрессированных деятелей искусства и литературы, а также совершенно неизвестные жертвы репрессий размещены рядом с портретами политиков и партийной верхушки. Жертвы и преступники стоят здесь в непосредственной близости друг с другом. Посетителей музея такое представление приводит к сильнейшим контрреакциям. Для многих посетителей такой род представления показался в крайней степени безвкусным. В книге отзывов можно прочесть: *«Что за скандал! Как вообще портреты жертв и преступников могут быть помещены на одной стене? Гумилёв и Дзержинский, Мейерхольд и Ленин? Я требую изменить это! Вы должны думать о молодёжи. Наше поколение умирает, а в памяти их поколения Бабель и Свердлов будут стоять в одном ряду»*.

Не зря в современной России внутри либерально настроенного населения имеются мысли против представления преступников. Многие опасаются, что ввиду отсутствую-

Стена с портретами в демонстрационно-выставочном зале музея «Пермь-36».

1 См. Рогинский А. Отрывочные воспоминания. Сталин и сталинизм в сегодняшней России. Восточная Европа 59 (2009), кн. 1, с. 37-44. Здесь – с. 39. (Roginskij, A., Fragmentierte Erinnerung. Stalin und der Stalinismus im heutigen Russland, in: Osteuropa 59 (2009), H.1., S. 37-44, hier S. 39.)

2 Там же, с. 39.

щей политики по переосмыслению прошлого именно разговоры вокруг преступников могут привести к восприятию сталинского террора как чего-то относительного, или же тенденция к преуменьшению серьёзности этого явления будет только усиливаться. Таким образом, опасения либерально-демократически просвещённого населения, а также деятелей гражданского общества, в том числе общества «Мемориал», волей-неволей вносят вклад в односторонность представления сталинского террора в современной России. Пермский «Мемориал» имеет в своём списке 79 памятных мест, которые напоминают о жертвах террора³. Все эти местные памятники напоминают в первую очередь о жертвах, лишь некоторые из них поднимают вопрос о тех, кто совершал эти преступления. Пока на первом месте стоит увековечивание памяти жертв и в ходе просветительской и образовательной работы не поднимается вопрос о преступниках, нет предпосылок для широкого переосмысления прошлого.

Понятно, что из-за политической атмосферы, царящей в современной России, невозможно ожидать гармоничного изложения, осуществляемого немногими деятелями переоценки. К тому же многие инициативы изначально исходят из самих жертв или их объединений. По причине их маргинальности и малой известности в современной России они вынуждены действовать локально, использовать региональное пространство и сети и поэтому смещают фокус на жертв. Со смещением фокуса на преступников они неизбежно получают порицание со стороны как учреждений, так и большинства населения, и поставят под угрозу всю свою деятельность. В концентрации на жертвах кроется меньший потенциал для конфликтов. Таким парадоксальным образом, даже в возможностях местного пространства для действий кроется причина того, что в представлении сталинского террора «местное несчастье» доминирует над «национальной трагедией».

Некоторые из участников летней школы в ходе работы подняли вопрос о роли исторической науки. По их мнению, это должны быть не только заботы государства или отдельных общественных лиц, но и задача историков, как следует изучить террор и чётко его представить. Конечно, эта перспектива совпадает с переработкой и переосмыслением национал-социалистического прошлого Германии, которые поддерживаются государством. С 1960-х гг. этого потребовало население ФРГ, а с 1990-х гг. привело к буму исследований в этой области. Как уже видно из ранее упомянутых замечаний, эти предпосылки в современной России отсутствуют. Хотя в России сталинский террор просочился в научные дискуссии, но это произошло не так, как в Германии. Российские историки освещают такие темы, как изучение процессов памяти и передачи памяти, памяти и её восприятия в другом ключе, чем немецкие историки. Зачастую такие работы кажутся дилетантскими, потому что ведутся представителями пограничных наук: культурологами, антропологами, этнологами и т. д. В общем и целом от российских историков ожидается лишь частичный вклад в разоблачение распространённых (государственных) мифов. Во времена существования Советского Союза историки (да и учёные других наук) были вынуждены поддерживать политику государства. Эта традиция ещё долго не будет прервана. И поэтому российские историки по большей части имеют дело с укреплением и подпиткой распространённых мифов, нежели с их разоблачением и разрушением. Вот почему исторические науки ещё сегодня считаются консервативными и закостенелыми, а относительно крупная часть историков склонна к поддержке государственно-патриотических взглядов.

³ Раздел сайта «Памятники в Пермском крае» <http://www.pmem.ru/index.php?mode=rpm&exmod=rpm/memorials>.

Но есть и противоположные примеры, т. е. целый ряд уважаемых историков, которые поставили своей целью критическое изучение террора, а также некоторые издательства, которые поддерживают эти стремления. Было бы ошибочно утверждать, что не существует никаких основательных научных исследований о сталинизме, вышедших из-под пера российских историков. На это ясно указывал российский историк Олег Хлевнюк на вводной конференции по сталинизму: «Сегодняшние попытки сгладить криминальный характер сталинской диктатуры, сводя их к модернизации страны и победе в войне, являются просто неприемлемыми»⁴. По крайней мере, с научного взгляда. Вращающиеся только в узком кругу учёных, эти научные исследования из-за нехватки интереса со стороны государства и населения не получают воздействия на широкие слои и не могут вносить коррективы в государственную политику в области истории.

Либеральные слои в России и их поддержка на Западе не должны строить иллюзий на этот счёт. Следует ожидать, что и в будущем Сталин (как видно из недавно допущенных и одобренных Министерством образования РФ школьных учебниках) будет представлен как «эффективный менеджер», а система ГУЛАГа на основе своего мнимого вклада в быструю индустриализацию страны будет оправдана и высоко оценена⁵. Именно в эту парадигму включается выставка общественного музея исправительной колонии ИК-35 Владимира Кургузова, на которой сотрудники уголовно-исполнительной системы в советский период стали героями дней, а вопросы их возможной ответственности и участия в политических репрессиях и вовсе не поднимаются. И мемориальный камень в память о «шавших в военное и мирное время сотрудниках уголовно-исполнительной системы», установленный в сквере Декабристов перед следственной тюрьмой в Перми, также включается в этот ряд.

Как долго Российское государство со своей политикой в области истории и дальше будет стоять на передаче доблестной картины прошлого, не вести широких и активных общественных дебатов по теме террора, несмотря на все другие требования, это несомненное советское героическое понимание истории и дальше будет определять культуру памяти. И не возникнет ни национального музея сталинского террора с большим образовательным заказом, ни память о репрессиях не перейдёт с местного уровня на национальный, с жертв на виновников.

Для осмысленной и конструктивной работы с европейской историей эта ситуация всё же должна быть прояснена и воспринята как подготовка к совместным действиям. Нашей целью не должна являться оценка памяти сталинского прошлого и дальше в контексте одного «немецкого» или ошибочно предполагаемого европейского видения (которое некоторыми лицами приравнивается к немецкому и поэтому понимается неверно). Действительный вызов европейским проектам по большей части состоит в умении выстоять тем взглядам, с которыми непосредственно не соприкасаешься. В первую очередь, известная толерантность в обращении друг с другом и кроет в себе шанс – вдали от жалоб и сетований, что Россия якобы «неисправима» – вместе искать возможности, которые могли бы указать путь к всеохватывающему переосмыслению сталинского прошлого.

4 Хлевнюк О. Сталинская диктатура. Политика, институты, методы. – Восточная Европа 59 (2009). Книга 1, с. 45-50. Здесь – с. 45. (Chlevnjuk, O., Die stalinistische Diktatur. Politik, Institutionen, Methoden, in: Osteuropa 59 (2009), H.1, S. 45-50, hier S. 45).

5 Эйдельман Т. Была ли сталинская политика «эффективной»? Скандалы вокруг новых учебников по истории России. В книге: Культура. Россия – анализ культуры. № 1, 2008, с. 3-8. (Ejdelman, T., War Stalins Politik „effektiv“? Skandale um neue Geschichtsbücher in Russland, in: kultura Russland-Kulturanalysen 1/2008, S. 3-8).

Настоящее прошлого

Нина Вольф

«Люди хотят видеть, как это было», – констатирует опытный экскурсовод мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36» Надежда Николаевна Третьякова. Лейтмотивом тянется это предложение через все наши интервью с посетителями, местными жителями и участниками летней школы. Эти простые слова показывают, что люди, которые находятся в поиске так называемого «аутентичного» места памяти, ожидают увидеть там ожившую историю. Тем самым они указывают на комплексную проблематику отношений между инсценировкой и аутентичностью, которая затрагивает каждую форму музеефикации коллективной памяти. Некоторые мысли на этот счёт я хотела бы представить далее на примере мемориального комплекса «Пермь-36» и памятного места Створ.

«Пермь-36» и Створ являются аутентичными местами в том смысле, что те события, о которых они напоминают, происходили именно здесь. С помощью исторических документов доказано, что на территории сегодняшнего мемориального комплекса «Пермь-36» недалеко от деревни Кучино с 1946 г. по 1987 г. находился советский исправительный лагерь, так же как и с 1942 г. по 1972 г. подобный лагерь был в посёлке Створ. Эта аутентичность наделяет каждое место своеобразным очарованием, она придаёт им определённую ауру, которая эмоционально заполняет память. Подлинность места даёт посетителю прямой доступ к прошлому – чувство, ощущение исторических событий, которое исходит из обычного созидания. Пространственное «прикосновение» к временно далёкому прошлому трогает нас эмоционально. Но может ли место памяти действительно обещать нам и на самом деле показать, «как это было»?

Территория бывшего участка особого режима колонии ВС-389/36 («Пермь-36»).

Памятное место по определению неаутентично в смысле оригинальности. Многие временные слои места напластовывают историческую действительность и делают место неузнаваемым. Чтобы извлечь память места, его историю и слои памяти, всё время требуется своего рода реконструкция или инсценировка.

Мы хотим видеть, как *это* было. Ничто не может лучше продемонстрировать характер аутентичного места, как содержательно неясное указательное местоимение «*это*», которое каждый наполняет собственным содержанием. «*Это*» указывает на объект памяти, который кодирует памятное место. В своей неопределённости он не указывает на комплексность процессов реконструкции коллективной памяти.

Инсценировка аутентичности на местах памяти – это взаимодействие трёх действующих лиц: аутентичного места, режиссёра инсценировки и реципиента. На примере «Перми-36» это означает:

1. Бывшая лагерная территория, которая хранит артефакты следов истории политических репрессий в СССР.
2. Руководство музея и его сотрудники, которые, осуществляя коллективную работу, проводят реконструкцию музея и разрабатывают выставки или инсценируют события с помощью экскурсоводов, т. е. рассказами.
3. Посетители музея, которые приходят со своими фоновыми знаниями, имевшимися до посещения музея, со своими ожиданиями и представлениями. Они черпают их из личного опыта, из рассказов репрессированных родственников, но чаще всего – из СМИ.

Это взаимодействие места, режиссёра и реципиента ведёт к индивидуальной актуализации коллективной памяти, которая является конструктивной для реконструкции живой человеческой памяти. Итак, местоимение «это» – это коллективный конструкт, который всё же расшифровывается каждым индивидуально, в соответствии с его историческим сознанием. Инсценировка аутентичности наполняет неясное «это» содержанием и действует смыслообразующе. Такие памятные места, как Створ и «Пермь-36», являются вдвойне политическими: во-первых, эти места «напоминают» не только о политических репрессиях, но также оценивают и имплицитно формируют память, упорядочивая всё в один определённый смысловой контекст, в данном случае – в диссидентскую перспективу. Во-вторых, будучи аутентичными местами, они внушают, что эта сконструированная память отражает историю, то есть то, «как это было».

Алейда Ассманн усматривает опасность в инсценировке аутентичности на аутентичных местах (она приводит в пример бывшие фашистские концлагеря) в том, что эмоциональный потенциал, который мобилизует памятное место, может привести к иллюзии тождества. Поэтому она выступает за то, чтобы иллюзия непосредственного зрительного созерцания была бы разрушена¹.

Иллюзия полного тождества и связанная с этим эмоциональная манипуляция не возникают ни на Створе, ни в «Перми-36». Одну из причин этого я вижу в общественно-гражданских корнях обоих проектов, которые приводят к известной динамичности или процессуальности. Они тенденциозно открывают взгляд смотрящего для интерпретационных возможностей, по-другому, чем в признанных местах памяти, восприятие которых уже чётко закреплено. Да и отношение между инсценировкой и аутентичностью в обоих местах, между прочим, очень различно.

Концепция мемориального комплекса «Пермь-36» с помощью реконструкции лагеря привлекает пользу из очарования ошибочно предполагаемой аутентичности. Посетитель повторяет на своём пути, проходя через тяжёлые железные двери, путь тогдашних заключённых. На территории бывшего лагеря отреставрированы или реконструированы бараки, так что лагерь не должен быть представлен, а может быть «увиден». Но инс-

Современные граффити на стене мастерских в мемориальном комплексе «Пермь-36».

¹ См. Ассманн А. Длинная тень прошлого. – Бонн, 2007, с. 227 (Assmann, A., Der lange Schatten der Vergangenheit, Bonn 2007, S. 224).

ценировка всё же неполная. Есть некоторые запланированные отступления, например, граффити на стене барака, которые возникли в рамках фестиваля «Пилорама», цветы и деревья, которые возвращают посетителей из иллюзорного лагерного мира в действительность прекрасного уральского лета. В других местах несовершенство инсценировки указывает больше на организаторскую или финансовую недостаточность, например, то, что многие бараки стоят незадействованные или что система безопасности бывшего лагеря восстановлена неполностью, или тот факт, что территория лагеря особого режима недоступна для постоянных осмотров. Покинутые камеры, которые мы сегодня можем увидеть, показывают, что зона – это прошлое. Выставка в помещениях отреставрированного «оригинального» барака служит только для информации и предлагает мало места для тождества с тем временем: короткие тексты и фотографии на застеклённых информационных табличках отражают жизнь выбранных выдающихся политических заключённых «Перми-36». На выставке представлены копии архивных документов и артефакты, которые имеют определённый порядок, установленный музеем, но им, однако, не удаётся образовать эмоционального доступа. Человек, плохо осведомлённый на тему «ГУЛАГ», с трудом находит подход к выставке. Только с помощью экскурсии исторически «аутентичные» объекты оживают, обрастая связанными с ними историями, – мы можем говорить здесь о повествовательной (нарративной) инсценировке. Так как сотрудники музея самостоятельно овладевают знаниями, то относительно непредсказуемо, на-

Элемент экспозиции из кирпичей, решётки, обуви и колочей проволоки на месте памяти Створ.

сколько эмоциональной будет эта инсценировка и какие пласты памяти будут особо выделяться.

Через запланированные и незапланированные прорехи (отступления) инсценировка лагеря воспринимается как таковая. В конце концов, многое зависит от силы воображения людей и их изначальных знаний, насколько эмоционально они воспримут инсценирование лагеря.

На Створе же «незавершённый» процесс памяти вообще является частью концепции места, которое представляет собой скорее не объект осмотра, а платформу для акции. Здесь цель – не детальное подражание прошлому, а изменение настоящего с помощью памяти. На первом плане стоит посетитель, который сам может и должен участвовать в инсценировке. В этом состоит дидактическое требование проекта. «Люди, которые приезжают на Створ, должны иметь возможность принять участие

в процессе реконструкции прошлого как активные субъекты, а не просто как пассивные потребители информации», – говорит Роберт Латыпов, инициатор проекта². Когда посетители сами становятся участниками инсценировки, происходит не только то, что она констатируется как таковая, но и то, что процесс реконструкции специально и особо подчёркивается. Здесь должно быть достигнуто другое тождество, чем то иллюзорное сходство с жертвами лагеря, о которой говорит Ассманн. Посетители Створа должны стать активными деятелями истории, идентифицировать самих себя с собственной историей как с современным процессом и развивать в себе чувство ответственности за это. Концепция проекта «Створ» делает возможным эмоциональный доступ к трагической части российской истории без эмоциональной манипуляции.

² См. статью Роберта Латыпова «Место памяти Створ» в этой брошюре.

Сопредседатель пермской общественной организации Молодёжный «Мемориал» и главное действующее лицо инсценировки Роберт Латыпов, конечно, не занимает нейтральную позицию относительно этой истории, а стоит на общественно-гражданской, диссидентской традиции. Поэтому для прозрачности и просветительской задачи проекта важно, чтобы по стоящим на информационных табличках текстам было видно, кто за этим стоит и чего он хочет добиться. И здесь восприятие посетителей невольно оказывается под влиянием инициаторов проекта. Одно только обозначение места как бывшего лагеря надписью на руинах сообщает пришедшему сюда туристу, что он смотрит на важный для памяти объект истории. Дидактический императив табличек на импровизированном причале берега – «твой взгляд на российскую историю» и «мы помним, а ты?» – является очевидным.

Обозначение «музей без гида» заставляет посетителя воспринимать место именно как «музей», хотя в строгом смысле он таковым не является. Предметы, которые были найдены на заброшенной территории – обувь, посуда, колючая проволока, – обозначаются как объекты памяти. Они помещены за своеобразную импровизированную витрину, хотя и не имеют музейной классификации и расположения и, может быть, даже совсем не принадлежат лагерю Створ.

Такое состояние этого места с научной перспективы является проблематичным. Без основательного упорядочивания и научной опоры гость, посетитель этого места памяти остаётся один на один со своим изначальным знанием, фантазией и некоторыми информационными табличками. Только здесь, на Створе, при отсутствии особенного интереса к политическим репрессиям в России, у посетителя, возможно, и не разовьётся историческое сознание, не говоря уже о дифференцированной картине истории. Это мешает не только целенаправленности места, но и всего лишь показывает, что Створ не замещает институционализированной культуры памяти, которая бы заботилась о широком просвещении. Потому что Створ функционирует не как научное, музейное учреждение, а как общественно-политический проект памяти. И этим он обогащает российский ландшафт памяти вокруг места, которое делает возможным активное размышление и подстёгивает к действиям.

«Мы хотим знать, как это было». Желание эмоционального тождества с историей исходит от самих посетителей, которые наполняют иллюзию аутентичности места своей собственной силой воображения, которая обусловлена их «багажом»³. Вообще, сама я скептически отношусь к эмоциональному, идентификационному доступу к коллективной памяти. Так как этот скепсис был виден в дискуссии со стороны немецких участников летней школы, хотя и не желая попасть в рамки клише, я вижу за этим очень «немецкий» взгляд, который совпадает с сакрализацией коллективной памяти о Третьем рейхе и холокосте и связанными с ними трагическими местами. Учитывая фон российского ландшафта памяти и политики по истории, я спрашиваю себя: не является ли эмоциональный доступ через чувство тождественности необходимым, чтобы через чувственный личный опыт разбудить интерес к истории политических репрессий в России? Политические репрессии тоталитарной системы являются до сих пор болезненным воспоминанием, которое по большей части вытесняет коллективная память, несмотря на то что во многих семьях могли бы идти обсуждения политических репрессий.

³ В качестве «багажа» Рут Клогер обозначает личный опыт и горизонт ожиданий посетителя, находящегося на месте памяти. Цитата из Ассман, с. 223.

Панорама посёлка
Центрального.
Слева – жилые
дома, справа – клуб,
на заднем плане –
въезд в действующую
исправительную
колонию № 35.

Аутентичная инсценировка истории является основополагающей для реконструкции живой культуры памяти. Но чтобы избежать эмоциональной манипуляции, иллюзия непосредственного осмотра не должна быть разрушена, но должна быть обозначена. Должно быть чётко и ясно сказано, какие позиции и политические цели памяти стоят за инсценировкой и какую историю имеет само место, чтобы посетитель места мог критически подойти к этому вопросу и поразмышлять на тему своего собственного процесса памяти. Многие люди, с которыми мы разговаривали во время нашего путешествия по ландшафтам памяти, говорили, что помнить – это важно. Часто они не могли сказать, о чём они хотят помнить и почему это важно. Анализ функциональности инсценированной аутентичности указывает, прежде всего, на то, что важно спрашивать, с чем мы хотим себя идентифицировать. Что мы усматриваем в этом «это», которое тогда произошло? Или, переформулирую, о чём мы хотим помнить и почему мы хотим помнить?

Осознание тождества себя с негативной частью российской истории с помощью эмоционального соприкосновения с «аутентичными» местами памяти подвергает сомнению утверждённую национальную политику в области истории. Она может вести к дальнейшим размышлениям, которые, в свою очередь, приведут к центральному вопросу о причинах. Как мы пришли к этому? Как мы можем предотвратить повторение подобного в будущем?

«Память – это настоящее прошлого», – говорил ещё Августин. В закрытом посёлке Центральном мы посетили

один музей, который инсценирует не память о политических репрессиях, а представляет коллективную память жителей деревни, которые почти все работали или работают в действующей исправительной колонии – ИК-35. Здесь, где арестанты в униформе молчаливо идут по площади, где напоминающий советское время клуб граничит со стенами лагеря, где зона воспринимается как обычное рабочее место, где фотографии героев войны висят рядом с фотографиями празднующих сотрудников – создаётся почти полная иллюзия аутентичности, как будто мы и на самом деле находимся в Советском Союзе. Даже если я знаю, что за стенами лагеря скрывается не солженицынский ГУЛАГ, то всё равно прошлое и настоящее кажутся здесь расположенными очень близко друг к другу. И это всё абсолютно без инсценировки.

Новые поколения — новые формы памяти

Ульрике Хун

Дни, проведённые на Створе, были для участников летней школы, без сомнения, самой высшей точкой нашего исследовательского путешествия. И это не только из-за дороги к месту и прекрасной природы. В своих эссе немецкие и российские участники предпочитали размышлять именно о Створе, в противовес мемориальному комплексу «Пермь-36».

Пермский студент Александр Асланьян говорил о «Перми-36» как о «мумификации памяти», а у пермской студентки Марии Чудиновой мемориальный комплекс вызвал ассоциацию с «муляжом, бутафорией». В противоположность ему, «скромное место памяти Створ», на котором царит почти «мистическая тишина», показалось гораздо более «захватывающим и трогательным». А немецкая участница Надя Дуглас провела чёткую разделяющую черту между музеем «Пермь-36», которому удалось передать факты, и местом памяти Створ, которое «оставляет посетителю место для собственной интерпретации и осмысления».

Кажется, что «Пермь-36» постепенно уступает свои позиции в сознании нового поколения волонтеров «Мемориала». Уже почти 15 лет молодые люди приезжают в волонтерские лагеря в деревню Кучино и принимают участие в работах по реконструкции и благоустройству музея. Они ведут беседы на темы, волнующие гражданское общество, наслаждаются летом в построенном своими руками «волонтерском городке», где царит свой порядок, где есть баня и лагерный костёр, и всё это среди нетронутой природы на берегу реки Чусовой. Здесь побывали не только пермяки, но также гости из Москвы, Санкт-Петербурга, из других российских регионов и из-за границы. Кто побывал здесь хоть раз, приезжал на следующий год снова и встречал старых друзей. По оценкам Роберта Латыпова, только на им проведенных экскурсиях в Кучино за прошедшие годы побывали около 1000 молодых людей. Недели, проведённые здесь, на годы сплывали людей и влияли на их личности. Но начала проявляться и неминуемая рутина — раньше захватывающая активная работа в недавно закрытом исправительном лагере сегодня стала обыденностью. Да и задачи изменились: если с начала основания музея волонтеры активно участвовали в восстановлении музея — строили заборы, натягивали колючую проволоку, то сейчас они в основном занимаются полевыми и уборочными работами — косят траву на территории музея, выпалывают сорняки.

Во время моего первого визита в Кучино летом 1999 года волонтеры размещались в здании контрольно-пропускного пункта на территории бывшего лагеря особого режима, потому что в волонтерском городке шёл ремонт. Такие условия казались волонтерам само собой разумеющимися. Между тем сегодня бывший лагерь и нынешний музей имеет собственную охрану, и доступ посетителей возможен только в определённое расписанием время. Музей в ходе своего становления и профессионализации стал институтом со своими чёткими правилами, которые отделяются от энтузиазма волонтеров и воспри-

Участники летней школы в волонтерском городке Молодёжного «Мемориала» близ деревни Кучино.

нимаются ими как укрепившиеся и неподвижные. «В общем, в этом нет ничего плохого, — соглашается Роберт Латыпов. — Были времена, когда о таком развитии можно было только мечтать. Это касается, прежде всего, того, что люди работают в музее уже не только

На руинах лагерного здания на месте памяти Створ.

на добровольных началах, а сама работа финансируется не зарубежными фондами, а поддерживается государством на местном уровне»¹. С учитывая снижающегося интереса летнего проекта в «Перми-36», должны быть найдены альтернативы в молодёжной и образовательной работе, так считают в Пермском «Мемориале».

Ранее пережитая в Кучино непосредственная встреча с прошлым продолжается теперь в новых проектах, организованных «Мемориалом». Это поисковые историко-просветительские экспедиции «По рекам памяти». С 2000 г. во время короткого лета молодые люди сплаваются на катамаранах, чтобы в отдалённых уголках Пермского края отыскивать и пометать бывшие лагеря. Они проводят интервью с очевидцами, жителями тех мест, устанавливают подлинность артефактов и помечают места с помощью импровизированных памятных табличек или просто деревянных крестов. Вот и бывший

лагерь Створ был найден во время одной из таких экспедиций.

Радость от приключений и открытий, полученных вместе впечатлений от путешествия по нетронутой природе, безлюдные ландшафты — всё это делает подобные туры привлекательной формой историко-образовательной работы с молодёжью². Эти экспедиции и новый проект «Створ» можно рассматривать как прорыв нового, молодого поколения, которое переработало прежние проекты «Мемориала» и ищет новые пути. «Для нас сам толчок к активной работе и гражданской заинтересованности значит подчас больше, чем работа с научными исследовательскими выводами и традиционная образовательная работа, в которой люди обычно являются пассивными потребителями информации, объектами наших образовательных усилий, а не субъектами, которые активно принимают участие в процессе», — обосновывает свою мотивацию по созданию на Створе «музея без гида» Роберт Латыпов³.

Тем не менее восприятие таких мест, как Створ, во многом зависит от базы уже имеющихся знаний о политических репрессиях и сталинской уголовно-исполнительной системе, в то время как на выставке в «Перми-36» или других местах всё это находится в готовом состоянии. Без предварительных знаний Створ «не прочитать».

Это был бы интересный эксперимент — пройти маршрут нашей летней школы в другой последовательности: сначала — место памяти Створ, на котором так мало можно увидеть и так много вообразить, а в конце — уже сформировавшийся музей «Пермь-36». Что бы от этого выиграли участники? Восприняли бы они тогда отдельные места по-другому? Можно предположить, что в последующие годы новые участники на Створе, так же как теперь в «Перми-36», столкнутся с нормативным требованием, которое виднеется на развалинах одного из зданий лагеря: «Мы помним, а вы?»

1 См. Латыпов Р. Лагерь Створ. <http://www.pmem.ru/index.php?mode=volonteer/rasskazi/16>

2 См. представление проекта на сайте Пермского «Мемориала» <http://volonter59.ru/project.php?category=16>

3 См. статью Роберта Латыпова о месте памяти Створ в этой брошюре.

Окружающее пространство

В мёртвом углу?

Юлия Пермякова

Тысячи людей ежегодно посещают мемориальный музей политических репрессий «Пермь-36», чтобы своими глазами увидеть институт террора советского режима. Каждый, кто присоединяется к экскурсии и осматривает выставки музея, невольно вживается в роль заключённого и начинает отчётливо представлять, какие мучения переживали те, кто находился в этом исправительном лагере. За что, собственно, были осуждены «опасные государственные преступники» на самом деле? За то, что они за красивыми лозунгами и декорациями режима смогли распознать его преступный характер и не боялись этого высказать? После посещения музея в голове возникает ясная картина: политические заключенные были героями и настоящими гражданами страны, а их надзиратели были преступниками. На самом ли деле всё так просто? Здесь – жертвы, там – преступники? И если да, то кто были они, работники уголовно-исполнительной системы в 1970–1980-е годы? Как они воспринимают историю, которую мы называем историей политических репрессий? Как выглядит их память об этом?

В ходе исследовательского проекта «ГУЛАГ в российской памяти» нам удалось провести интервью с одним из бывших надзирателей зоны ВС-389/36¹. Это редкий случай, ибо ветераны системы отнюдь не стремятся говорить на подобные темы. Иван Георгиевич Кукушкин работал надзирателем в этом лагере, а сегодня является сотрудником охраны

Запись интервью с Иваном Кукушкиным, бывшим сотрудником колонии ВС-389/36.

мемориального комплекса «Пермь-36». Разговор с ним расширил рамки нашего представления об истории политлагерей и одновременно вызвал бурные дискуссии внутри нашей рабочей группы о вине и невиновности. Мне до сих пор тяжело судить о том, насколько он виновен и каким должно быть рациональное переосмысление истории политических репрессий, совершённых в пост-сталинский период.

Вернёмся к нашему информанту. Иван Георгиевич Кукушкин родился в Горьком (сегодня – Нижний Новгород) и проходил службу в армии в Перми, где и окончил курсы для надзирателей. Как он говорит, никто из молодых людей не мог себе и представить, что их обучают на должность надзирателей в исправительных колониях. Когда же они об этом узнали, то из пятидесяти отобранных молодых людей осталось только трое. Одним из них был Иван Кукушкин.

Он был направлен в учреждение ВС-389/36 в 1976 г. в возрасте 20 лет и проработал здесь до закрытия лагеря. Когда после распада Советского Союза началось возрождение лагеря уже как музея, то активно принимал участие в восстановительных работах. Он рассказывает: «Я работал столяром, плотником, распиловщиком, я делал всё. А быть руководителем охраны мне предложили семь лет назад, потому что нужны были люди для охраны музея».

Можно допустить, что здесь кроется глубокое противоречие. Как может человек, которого мы причисляем к виновникам, преступникам, добровольно и сознательно прини-

¹ Все цитируемые в тексте цитаты взяты из интервью с И. Г. Кукушкиным от 20.07.2009 года.

мать участие в основании музея, который посвящён жертвам? Каково же его личное отношение к жертвам тогда и сегодня?

Прежде всего, иностранные гости, приезжающие в музей, спрашивают, каково было его отношение к заключённым. *«Тогда считалось, что осуждённые находятся здесь из-за уголовных преступлений, и таково было моё отношение к ним».* Кукушкин подчёркивает, что это входило в его должностные обязательства как надзирателя – ко всем заключённым относиться одинаково. Как к диссидентам, так и к другим категориям заключённых, например, коллаборационистам, которые были осуждены ещё при Сталине и в 1970-х годах досаживали свои 25-летние сроки заключения. *«Могло быть так, что оба моих деда не вернулись бы с фронта и вместо этого погибли бы в душегубке. И несмотря на это, я одинаково относился ко всем заключённым: и к коллаборационистам, и к политическим заключённым».* Особенно чувствительными в этих вопросах были и остаются немецкие посетители. Так, молодые люди в рамках немецко-русского летнего волонтерского лагеря в 1997 году интенсивно расспрашивали бывшего узника «Перми-36» и политического диссидента Сергея Адамовича Ковалёва, как он относится к тому, что Иван Кукушкин снова здесь работает. Кукушкин помнит это лето и вопросы немецких участников вокруг его персоны: *«Он работал здесь надзирателем, как он может сейчас работать здесь, почему он здесь? У него нет никакого права работать здесь».* И ответ известного правозащитника: *«Ковалёв, конечно, отвечал им, что я работал тогда за деньги и сейчас работаю за деньги».* Когда сюда приезжают иностранцы, я говорю им: *«А у вас как будто нет уголовно-исполнительных учреждений? Конечно, у вас тоже есть тюрьмы! И нужен ли персонал? Да, он нужен».* Именно так происходит и здесь. *«Вообще-то я не знал, что здесь сидят политзаключённые, нам этого не говорили, было запрещено говорить об этом. То, что мы знали, что здесь особый контингент, это да. Большинство – коллаборационисты, предатели Родины, террористы».*

В словах Ивана Кукушкина чётко проявляется его самооценка и значение, которое он придавал тогда работе надзирателя. Главным мотивом его работы тогда надзирателем в колонии, а сегодня сотрудником музея, была и остаётся зарплата. Отношение к заключённым устанавливало тогда законодательство. Он был винтиком в уголовно-исполнительной системе. Во время разговора с ним у меня сложилось такое впечатление, что он не особенно чувствует себя причастным к истории политических репрессий. Создаётся очень странная картина: мы считаем этого мужчину виновником, угнетателем свободы, но сам он не видит никакого своего личного отношения к этой истории. Кажется, что ему всё равно, кто содержался в этом лагере. Его задача состояла исключительно в выполнении должностных инструкций, причём желательно без излишнего напряжения и больших усилий для него и его коллег. *«Вы видели здесь наручники. Конечно, иногда это было необходимым – надеть наручники. Это пережили здесь заключённые. Но мы прилагали усилия, чтобы применять их как можно реже, потому что за каждое применение нужно было составлять соответствующий документ».*

Кукушкин был в центре происходящего, но одновременно с этим он не считает себя участником этой истории. В ходе нашей беседы выяснилось, что лагерный режим в его интерпретации был иным, чем его описывают сейчас во время экскурсий: *«Многие из политических заключённых говорят, что их здесь не кормили. Я могу привести множество встречных примеров и считаю, что в определённой степени заключённые были сами виноваты. Предположим, одни попали в штрафной изолятор. Но чтобы вообще туда попасть, нужно много раз в чём-то провиниться. Но они говорят, что они постоянно сидели*

в изоляторах. Чтобы на год или полгода попасть в карцер, нужно было минимум десять раз отсидеть в ШИЗО, и к тому же для этого создавалась наблюдательная комиссия, а председатель комиссии должен был подписать бумагу. (...) И тогда они говорят, что они боролись. Но с кем они боролись? С невидимым врагом? А расхлёбывать это должны были мы. «Нам приносят слишком мало еды, нас не кормят», – жаловались они. Тогда вышел закон. И мы стали давать им вдвое больше еды. Жаль ли нам, что суп слишком жидкий? Тогда принесли весы. Кто-то сидит в ШИЗО. Принесли весы, отвесили 600 граммов, и всё. Некоторые начинали писать жалобы. Один пишет, что ничего не проверяется. Тогда они начинают что-нибудь выдумывать и писать целую гору жалоб, туда-сюда. Конечно, тогда начинают нас проверять. Как часто такое было? Очень часто. Жалобы писались по поводу всего возможного и невозможного. (...)».

Откуда исходит это различие в восприятии истории? Умалает ли Кукушкин боль и всё тяжёлое положение заключённых? Считает ли он политических заключённых такими же преступниками? Не кажется ли ему поэтому их ситуация такой трагичной? Может быть, он пытается отвести от себя вину? Или музейные работники слишком драматизируют положение тогдашних узников, чтобы больше подчеркнуть несправедливость режима и сделать политических заключённых героями? О какой памяти мы хотим помнить? Какая версия соответствует правде? Версия экскурсоводов, которые рассказывают нам историю с перспективы жертв или версия работников уголовно-исполнительной системы, которые, как и политические заключённые, тоже были очевидцами? Или правда где-то посередине?

Вызов моему поколению

Роберт Латыпов

После проведения немецко-русской летней школы «ГУЛАГ в российской памяти» я не перестаю задавать себе вопросы. Как мне стоит относиться к тем, кто ещё совсем недавно, всего 20-30 лет назад, служил Системе? Как реагировать на различные трактовки истории и убеждения тех, кто был свидетелями того времени? И как говорить об этом с ними или же с экспертами, занимающимися изучением данной темы? Стоит ли развенчивать имеющиеся мифы и показывать то, какова была действительность без прикрас? Должен ли я разоблачать ужасы сталинского режима и призывать к пересмотру истории и переоценке событий того времени? Или мне лучше лишь слушать внимательно, чтобы узнать больше о прошлом и попытаться понять старую советскую систему и её механизмы? Могут ли вообще мои замечания кого-то переубедить или заставить задуматься?

Слушая кукушкиных и кургузовых¹, я понимаю, что не могу их ненавидеть, как точно так же не могу и любить. Мои моральные и нравственные принципы уже давно сфор-

¹ Кукушкин И. Г., бывший старший надзиратель политзоны ВС-389/36 (деревня Кучино, Пермский край), в настоящее время – работник мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36», существующего на базе бывшей зоны.

Кургузов В. К., бывший надзиратель политзоны ВС-389/35 (пос. Центральный, Пермский край), в настоящее время – основатель и директор общественного музея при исправительной колонии ИК-35.

мированы, и я знаю, с чем могу примириться, а с чем нет. На самом деле все эти бывшие лагерные надзиратели для меня попадают в некую промежуточную категорию. С одной стороны, они – часть тогдашней системы и заложники царивших в ней принципов и устоев, что идут вразрез с моими нравственными принципами и ценностями. С другой стороны, их свидетельства как очевидцев очень важны для понимания советского прошлого, а также настоящего России.

Наши дискуссии на тему «Память и воспоминания» в рамках летней школы (и столь редкие, кстати, в нашем обществе) помогли мне точнее понять те механизмы трансформаций, что происходят в памяти людей старшего поколения нашей страны. К ним относится, например, способность человеческой памяти вытеснять негативные воспоминания и переосмысливать заново негативные события в памяти так, чтобы не разрушался целостный образ, нарисованный в сознании. Неосознанно в памяти формируются своеобразные запреты на негативные воспоминания. И это явление столь распространено среди людей старшего поколения, что такие трансформации становятся коллективной памятью людей о мнимом общем опыте, памятью даже национальной. В большинстве случаев различные исторические события интерпретируются в свете «исторического материализма» или в духе «постановлений партии».

Моё поколение выросло на этих интерпретациях и явных искажениях истории. В 1988 году мне было 14 лет, и я ходил в восьмой класс обычной школы провинциального города на севере Пермского края. Однажды на уроке истории я неожиданно для себя спросил учителя: «Почему в нашем городе живёт так много людей разных национальностей? Не только русские, но татары, башкиры, украинцы, белорусы и даже немцы?» Ответ был прост и лаконичен: «Это потомки тех, кто строил наш город в начале 1930-х годов и приехал сюда по призыву партии на ударную комсомольскую стройку».

Авторитет учителя для меня был тогда настолько высок, а вера в то, что я живу в справедливой стране, настолько непоколебима, что у меня не возникло и тени сомнения относительно истинности его слов. Лишь после развала Советского Союза, когда я уже учился на историческом факультете Пермского государственного университета, я узнал, что истинными строителями города и прилегающих к нему предприятий были тысячи и тысячи репрессированных советской властью людей – раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы и заключённые тогда ещё первых лагерей ГУЛАГа. Сегодня я могу с уверенностью заявить, что мой учитель истории был на самом деле очень хорошо осведомлён об истинном прошлом нашего родного города. Но он ответил мне и моим одноклассникам обычным, стандартным штампом, принятым в то время. Он не только излагал нам, подросткам, ложную и подретушированную историю, но и формировал тем самым наше коллективное сознание, нашу советскую идентичность. Последующее преодоление этой самой «памяти», а с ней и советской идентичности, было и остаётся для меня чрезвычайно болезненным и горьким.

Будучи сопредседателем Молодёжного «Мемориала», я часто сталкиваюсь в своей работе с идеализацией советского прошлого и остро ощущаю это противоречие. Я ловлю

*Роберт Латыпов,
сопредседатель
Молодёжного
«Мемориала», и
Владимир Кургузов,
бывший сотрудник
колонии ВС-389/35.*

Юля Пермякова и Рамиль Фатхутдинов во время интервью с жительницей деревни Кучино близ музея «Пермь-36».

себя на том, что, с одной стороны, действительно могу понять людей, которые категорически не хотят помнить негативные события прошлого, не хотят чувствовать боль потерянного времени и утраченных возможностей. Я могу понять и тех, кто хоть и считает людей, ставшими жертвами репрессий, невинными и признает их страдания, но себя самого не воспринимает и не хочет воспринимать частью этой самой трагической истории. Но, с другой стороны, я не могу принять того, что эти же люди не просто рисуют самим себе удобный им вариант истории, но и транслируют затем эти мифы молодому поколению, сегодняшним детям и подросткам, которые не жили в то время и знают о нём лишь понаслышке.

Наше поколение, можно сказать, стоит перед вызовом: как нам жить с этим прошлым? Как нам поступать и с таким видением событий? И как при этом

никого не оскорбить и не задеть? Как сделать так, чтобы трагическим страницам истории советского прошлого отдавалось должное внимание, не ставя под вопрос величие людей и их героизм, не перекраивая при этом всю историю? Какими бессмысленными ни казались бы дискуссия и борьба с этими «удобными» версиями истории для молодого поколения, сам факт того, что это ставится под сомнение, зачастую означает шанс научиться думать самим, а не воспринимать всё так, как тебе говорят. Возможно, разговор с людьми иного поколения, уже не воспитанными на советских мифах, поможет нынешней молодёжи критически осмысливать информацию и приведёт к иным интерпретациям и ответам на вопросы, отличным от тех, что были шаблонными в советское время.

Местные инициативы против неототалитарных тенденций

Карстен Клеге

В России, как и во всём мире, государство самым непосредственным образом заинтересовано в существующей культуре памяти. Именно оно определяет, о ком и о чём, собственно, следует помнить. На сегодняшний день в России история чаще всего перекраивается в национально-патриотическом ключе, особенно когда дело касается памяти о советской эпохе. Проявлением этого является, например, не только увеличившаяся в последние годы патриотическая пропаганда событий Великой Отечественной войны¹, но и тот факт, что негосударственные общественные объединения и деятели, имеющие

¹ Примерами могут служить также ежегодные и массовые акции «Георгиевская ленточка», проведение парадов 9 Мая, в День Победы, создание президентской комиссии по борьбе с фальсификациями истории и другие.

критический взгляд на прошлое, вряд ли получат от государства какую-либо поддержку своей деятельности – скорее, наоборот².

Но в моём небольшом эссе речь будет идти главным образом не о гражданском обществе и правозащитной организации «Мемориал», а в большей степени о взглядах государства на процесс переоценки исторических фактов. Как к этой проблеме относятся власти, в том числе и местные? Какие государственные инстанции отвечают за формирование нового взгляда на отечественную историю? В чём состоит их деятельность? Какие аргументы и приёмы риторики они берут на вооружение?

Я ссылаюсь в своей статье на беседу 29 июля 2009 года участников летней школы с депутатом Пермской городской думы Алексеем Анатольевичем Грибановым. Он является председателем городской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий.

Реабилитация бывших политзаключённых

В состоявшейся беседе Алексей Анатольевич посвятил нас в суть работы комиссии, председателем которой он является. Её важнейшими функциями являются, во-первых, корректное применение изданного в начале 90-х годов прошлого века закона о реабилитации жертв политических репрессий и, во-вторых, поддержка осуществляемых общественными организациями проектов. Далее Алексей Анатольевич пояснил, что процедура реабилитации, по сути, уже завершена и в Пермском крае было реабилитировано свыше 4300 человек. В этом отношении Пермский край занимает ведущие позиции по сравнению с другими регионами России. При этом охват процесса реабилитации, к сожалению, не так велик. Людям, ставшим жертвами сталинских репрессий, трудно подтвердить это документально. Признание их как жертв репрессий весьма проблематично и связано с большим числом бюрократических проволочек. Поэтому не всегда бывшим политзаключённым удаётся собрать необходимые документы. И даже если человеку всё-таки был присуждён статус жертвы политических репрессий, выплачиваемых пособий всё равно не хватает на жизнь. Компенсации по конфискованному в тридцатые годы имуществу осуществляются в мизерном размере.

Эту финансовую несостоятельность и отсутствие в бюджете средств на предоставление социального жилья депутат объясняет тем, что предложения его комиссии кажутся властям недостаточно обоснованными с юридической точки зрения, соответственно, власти вправе и не следовать рекомендациям комиссии по реабилитации жертв политических репрессий.

Государство и память: о роли памятников и памятных мест

В Перми, где по инициативе бывших репрессированных и при содействии местных властей обществом «Мемориал» был воздвигнут памятник жертвам политических репрессий, становится ясно, в каких отношениях друг с другом находятся так называемые «по-

Алексей Грибанов, председатель Пермской городской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

² См. Федеральный закон об общественных объединениях 2006 года. «Мемориал», будучи крупной и довольно известной общественной организацией, в этом плане, скорее, является исключением.

зитивная» и «негативная» память о прошлом России. Здесь рядом с мемориальными досками в честь выдающихся деятелей искусства и известных политических личностей, в том числе и большевиков, бросается в глаза большое количество памятников Великой Отечественной войне: танк на пьедестале, Вечный огонь как неперенный атрибут. Всё это признаки проводившейся особенно активно в советское время политики в отношении чествования героев войны, и сегодня эта политика вновь возрождается. Посредством реинфологизации событий о войне памятники героям военных лет приобретают в сегодняшней России новое, актуальное значение.

В 1990-е годы на Егошихинском кладбище в Перми был построен мемориал в виде звонницы как знак памяти жертв сталинского режима. Как и в других городах, этот памятник стоит не в центре кладбища, а немного в стороне, напротив того места, где были захоронены репрессированные. Будучи участниками летней школы, мы этого ещё не знали, поэтому спросили депутата о причинах такого месторасположения памятника. Грибанов нам объяснил это не историческими предпосылками, а тем, что якобы и в Германии в центре города не встретишь памятников и мемориальных плит, напоминающих о событиях холокоста. В конце нашей беседы речь пошла о том, надо ли воспитывать сегодняшнее поколение молодых людей в России в патриотическом духе, и стало ясно, что Алексей Анатольевич разделяет мнение властей о том, какую в этом роль играют такие памятники. При этом он не упомянул, однако, о том, что главную роль в выборе места для установки памятника должно было играть именно то, что это память о людях, ставших жертвами политических репрессий и захороненных на этом самом месте. Грибанов отмечал, что вряд ли может себе представить прогулку по городу, где на каждом шагу натыкаешься на мемориальные плиты, напоминающие о таких ужасных событиях нашего прошлого. Из этого ясно, что для самого депутата важнее память о доблестном прошлом, хотя и без попытки выкинуть из него трагические события и переписать историю.

*Памятник жертвам
политических репрессий
на Егошихинском
кладбище города
Перми.*

Кроме того, наш разговор показал, что для Алексея Анатольевича несомненно важна совместная работа с «Мемориалом», а также и с другими общественными организациями г. Перми. Он видит много пользы и в продвижении различных образовательных проектов, затрагивающих вопросы истории, рассказывающих о том, что происходило в стране в советское время. Врач по образованию, депутат отдаёт должное и социальным проблемам современности, среди которых особенно важными являются такие аспекты, как социальная реабилитация и работа с молодёжью. Активное внимание к проблемам истории и попыткам переписывания истории отходит для него уже на второй план. Как позже мы узнали в «Мемориале», такая позиция довольно характерна не только для представителей власти, но и для широких слоёв населения в России. Активисты «Мемориала» отмечают, что большая часть пермяков положительно относится к реализуемым организацией социальным или молодёжным проектам, но при этом довольно скептически воспринимает проекты, так или иначе затрагивающие тему политических репрессий.

Для понимания ситуации в сегодняшней России для нас был очень важен намёк Грибанова на то, что среди политиков является скорее исключением, а не правилом. Да, необходимо, чтобы местные

власти всё же интересовались работой «Мемориала» и других общественных организаций. Продуктивной совместной работе мешают, с одной стороны, переписывание властями истории в национально-патриотическом ключе и с другой стороны – различные неототалитарные движения в современной России. Проявление этих тенденций в различных регионах России неравномерно. Что касается ситуации в Перми, то тут депутат недвусмысленно намекает на то, что она в принципе отличается от остальной части страны, поскольку Пермский край считается одним из самых либеральных и демократически настроенных регионов. Грибанов говорит о проблемах, стоящих как перед властями, так и перед местными общественными объединениями, а также перед простыми гражданами, когда речь заходит о столкновении локальных интересов и требований с той линией политики, что диктуют федеральные власти. Алексей Анатольевич констатирует факт, что сегодня в России наблюдается «крайний дефицит демократии»: не только демократические общественные организации вроде «Мемориала» сталкиваются сегодня с непониманием и неприятием их идей и взглядов, но также и он сам. Отсюда становится более понятно, почему «Мемориал» считает комиссию по реабилитации жертв политических репрессий, возглавляемую А. А. Грибановым, своим важным стратегическим партнёром на местном уровне, а самого депутата – своего рода покровителем.

Участники летней школы во время посещения Пермской городской думы и разговора с Алексеем Грибановым.

Пермь как место памяти

Рамиль Фатхутдинов

Во время летней школы мы посетили ряд памятных мест, связанных с историей сталинских репрессий в Прикамье. Одним из них является памятник жертвам политических репрессий, установленный на Егоспихинском кладбище в г. Перми. Он был установлен и открыт 30 октября 1996 года по инициативе Пермского регионального отделения международного общества «Мемориал» на пожертвования жителей Перми, при финансовой и организационной поддержке областной и городской администраций. Композиция памятника представляет собой выполненную из серого бетона звонницу, сверху опутанную колючей проволокой и установленную на постаменте в форме пятиконечной звезды, а также две мемориальные стелы, установленные здесь же. Надпись на одной из них: *«Памяти жертв политических репрессий»*, на другой – отрывок из стихотворения поэта Анатолия Жигулина, репрессированного в сталинское время: *«О, люди! Люди с номерами, вы были люди, не рабы. Вы были выше и упрямей своей трагической судьбы»*.

Отдалённое месторасположение памятника возле небольшой речушки Стикс заставляет призадуматься. Кладбище расположено в стороне от центральных улиц города, вдали от взглядов случайных прохожих. Но и место было выбрано не случайно. Неподалёку от памятника, с противоположной стороны лога, находится СИЗО №1 г. Перми, бывшая сталинская тюрьма-пересылка, существующая на этом месте уже более 130 лет. Во время экскурсии по памятным местам Роберт Латыпов, сопредседатель Молодёжного «Мемориала» в Перми, рассказывал нам о том, что, по воспоминаниям очевидцев, в годы сталинского террора трупы погибших заключённых тюрьмы сбрасывались здесь прямо вниз, в овраг, где тела даже как следует не закапывали в землю. Сейчас это место хорошо просматривается со стороны памятника жертвам политических репрессий.

В расположенном рядом со зданием тюрьмы сквере Декабристов¹ мы не без удивления обнаружили ещё один памятник, установленный (цитирую надпись на стеле) «в память о сотрудниках уголовно-исполнительной системы, погибших при исполнении служебного долга». Мы были слегка шокированы, увидев это: как в таком трагическом месте, хранящем память

о тысячах невинных людей, заключённых в эту тюрьму и сосланных затем в лагеря, как можно было поставить здесь памятник тем, кто исполнял приговоры сталинского режима?

Как выяснилось, действительно, этот памятник установлен здесь не в память о жертвах политических репрессий, а в память о тех, кто был сотрудником этой уголовно-исполнительной системы и о ком позже, после различных войн, осталась память как о героях. Конечно, среди сотрудников тюрем и лагерей были люди, погибшие на войне, исполнившие свой долг по отношению к Родине. Но может быть, стоило всё же тогда где-нибудь в другом месте устанавливать этот памятник? В общем, этот факт нас чрезмерно удивил.

На следующий день в рамках нашей летней школы состоялась встреча с депутатом Пермской городской думы Алексеем Анатольевичем Грибановым. Он же является и председателем городской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Целью нашей беседы было узнать позицию государства по отношению к теме истории сталинских репрессий и к тому, как эти события преподносятся в современной России. Какую политику проводит государство в плане того, кого следует помнить и как? Алексей Анатольевич подчеркнул, что возглавляемая им городская комиссия по реабилитации жертв политических репрессий активно сотрудничает с общественными организациями в проведении различных проектов на эту тему и их финансировании. В частности, помогает в организации передвижных выставок, поездок учащихся в мемориальный музей «Пермь-36», проведении внеклассных мероприятий со школьниками². Однако на наш вопрос, почему единственный в Перми памятник жертвам политических репрессий расположен не в самом удачном для этого месте, ответом было следующее. Сегодня пермские власти хотели бы «направить свой взгляд в будущее» и преследовать

Строчки из стихотворения Анатолия Жигулина, вытесненные на памятной стеле у памятника жертвам политических репрессий в Перми.

¹ Сквер Декабристов находится в месте пересечения улиц 1-й и 2-й Луначарского и Николая Островского, между тюрьмой и зданием Главного управления федеральной системы исполнения наказаний по Пермскому краю.

² «Уроки истории» – внеклассное мероприятие или итоговый урок по теме «История репрессий в СССР», проводимый в рамках экскурсии в мемориальном музее истории политических репрессий «Пермь-36».

при этом цель «патриотического воспитания населения». Надо воодушевлять людей, и очень важно найти равновесие между «напоминанием» и «побуждением». Поэтому подобного рода памятники и стоит устанавливать не в центре города, иначе они служили бы каждый день не совсем той цели.

Для меня лично очень показательным в плане отношения государства к вопросам памяти жертв сталинских репрессий был тот факт, что наш собеседник, будучи несколько лет председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, сам впервые посетил музей «Пермь-36» лишь месяц тому назад, в рамках фестиваля «Пилорама». И это несмотря на то, что этот музей открыт уже с 1995 года! И тем не менее Алексей Анатольевич всегда высказывался за существование в регионе такого рода музея и всегда признавал его историческую и культурную ценность и для сегодняшней истории.

Отголоски ГУЛАГа

Валерия Яковлева

Следы прошлого и значение ГУЛАГа для культурной и исторической памяти современных россиян – таковы были главные темы нашей летней школы. Данная статья служит своего рода обобщением некоторых моих размышлений и замечаний относительно наследия ГУЛАГа в современной России.

Понятие «ГУЛАГ» для меня лично является обозначением массового лишения людей свободы и права выбора, синонимом контроля над повседневной жизнью людей. ГУЛАГ – это огромная система тюрем и лагерей, в которые была превращена половина нашей страны. Дискуссии и размышления относительно такого прошлого, безусловно, невозможны без учёта особенностей современных реалий.

А как выглядит наша сегодняшняя реальность? Неподалеку от мемориально-музейного комплекса «Пермь-36» сегодня находятся колонии, где содержатся заключённые, обвинённые судом по уголовным преступлениям. Эти зоны, как и в советский период, находятся рядом с обычными поселениями, где живут люди, которые ходят на работу, а их дети – в школу. Тюрьма – это часть их будней. Внешний вид тюрьмы и её быт со времён политических заключённых мало изменился. В этом мы смогли убедиться, посетив общественный музей ИК-35 в посёлке Центральном, рядом с действующей исправительно-трудовой колонией. Там пусть издали и частично, но можно увидеть то, о чём в музее «Пермь-36» рассказывают и показывают на экскурсии.

Поменяем декорации. Город Пермь. В центре – бывшая тюрьма НКВД, ныне – следственный изолятор. Вокруг этого места много толков. Но то, что раньше здесь была тюрьма НКВД, в повседневной жизни города его жителями никак не отражено, несмотря на то что многие знают, что за этими стенами и сегодня находится СИЗО.

По возвращении из нашей экспедиции мне довелось услышать в автобусе разговор одной бабушки с её внучкой. Внучка, по всей видимости, ехала с бабушкой домой из школы, и они как раз проезжали мимо сквера, расположенного перед зданием бывшей

Памятник, посвящённый погибшим в военное и мирное время сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Сквер Декабристов, г. Пермь.

тюрьмы НКВД. И бабушка начинает рассказывать внучке, что, мол, посмотри-ка, мы проезжаем сейчас сквер Декабристов. Он так называется потому, что первые деревья здесь были посажены декабристами, которые оказались в Перми по дороге в ссылку в Сибирь. Обо всём том, что происходило на этом месте в 1930-е годы, бабушка не обмолвилась ни словом. Вполне возможно, что она и не в курсе всех тех далёких трагических событий 1930-х годов. Между тем на месте современного сквера находилась тюремная площадка, на которой заключённых выстраивали колоннами и под конвоем часовых с собаками грузили в машины. Их родные и близкие окружали в это время площадь и кричали их имена, в надежде услышать в ответ, что те ещё живы и их просто пересылают в другую тюрьму или лагерь, что их ещё не расстреляли. В 1930-е годы на этом месте не росли деревья. Однако легенда о декабристах звучит куда романтичнее и удобнее, чем история об ужасах сталинского террора.

Когда автобус завернул за угол нынешнего СИЗО, внучка вдруг безо всякого подвоха показала на здание и спросила: «А это что такое?». Бабушка в ответ тихо, не меняя тона голоса и не пускаясь в дальнейшие объяснения, сказала: «Это тюрьма». Как будто это просто так устроено, что она здесь находится. Ну да, где-то же надо ей, в конце концов, находиться.

В России очень популярен так называемый русский шансон. Это песни, возникшие изначально в местах лишения свободы и рассчитанные на лиц, близких к криминальной среде. Позже песни получили своё распространение и за её пределами. В России есть даже одноимённая радиостанция, специализирующаяся на музыке такого рода. Особой популярностью она пользуется у водителей автобусов, поэтому и пассажиры оказываются также невольными слушателями.

В обиходно-разговорном языке населения бытует большое количество слов, которые своими корнями уходят в уголовно-блатной жаргон. А недавно на экраны России вышел комедийный фильм под названием «Каникулы строгого режима». Конечно же, про приключения заключённых! Эта жизнь заключённых и их будней вообще пользуется огромной популярностью на телевидении. В сетке вещания телевизионных каналов каждый сезон появляются телесериалы или художественные проекты, так или иначе связанные с тюремной тематикой.

Можно сказать, что места лишения свободы – тюрьмы, лагеря – были и остаются частью повседневной жизни в России. И вряд ли от этого можно отгородиться, даже совсем нельзя.

И пока лагерная тема будет являться неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, ГУЛАГ будет оставаться частью нашего Настоящего. А значит, подвергать его переосмыслению как феномен прошлого и делать выводы будет всё так же сложно и некомфортно.

Внешний вид СИЗО №1 (бывшей тюрьмы НКВД) в Перми.

Культура ПАМЯТИ

Никто не забыт, ничто не забыто?

Двойственность памяти в современной России

Алеся Кананчук

«Хотелось бы всех поименно назвать...»

А. Ахматова. «Реквием»

«Европа после 1945 года жила по закону «одинадцатой библейской заповеди», проникавшей почти во все сферы жизни и звучавшей как: «Не забудь!» – так описывал нравственное состояние послевоенного европейского общества австрийский социолог Рудольф Бургер. В России фраза «Никто не забыт, ничто не забыто» стала, кажется, своеобразным ответом на эту заповедь, обещающим исполнение завета. Но так ли широко этот призыв воплощается в жизнь? Достигнуто ли в России согласие в вопросе о том, кого и как помнить?

Формула избирательной памяти

«Никто не забыт, ничто не забыто», – под знаком этих слов, ставших почти что призывом, преподносились исторические факты в Советском Союзе. Эту фразу и в России можно услышать повсеместно. Под этим девизом проводятся в школах внеклассные мероприятия и концерты, посвящённые Великой Отечественной войне, чествующие её героев, отдавших жизнь за Родину. Та же надпись на Книгах памяти, те же слова – в эпиграфе базы данных, посвящённых погибшим в Великой Отечественной войне, и изданных по инициативе Министерства обороны Российской Федерации. Россия считает своим долгом помнить всех погибших и пропавших без вести в годы войны. Все эти примеры достаточно чётко указывают на то, о ком следует помнить и о чём нельзя забывать.

В России фраза «Никто не забыт, ничто не забыто» употребляется только в отношении Великой Отечественной войны. Не только государственные органы власти, но и большая часть населения, похоже, разделяют точку зрения, что нужно помнить главным образом о тех, кто погиб в этой войне. Подтверждение тому мы находим в многочисленных блогах в Интернете и «Живом журнале», в сообщениях на форумах.

Формула, направленная на всеохватность памяти, порой теряет свою первоначальную направленность. Получается парадокс: не «никто не забыт» (т. е. когда помнят обо *всех*), а не забыты только те, кто трагически погибли в годы войны, пали её жертвами. То есть получается, помнят только о них. А как же миллионы людей, ставших жертвами сталинских репрессий, вынужденных провести свою жизнь в лагерях или спецпоселениях особого режима или же попросту расстрелянных в годы террора? Эта формула не принимает во внимание тех, на ком лежит ответственность за принятые решения, а также тех, кто был их конкретным исполнителем, «винтиком системы». Поэтому во время нашей летней школы в Перми фраза «Никто не забыт, ничто не забыто» не выходила у меня из головы, и поэтому я ставлю после неё знак вопроса.

Места памяти как разочарование

Что, на мой взгляд, объединяет три мемориальных места, которые мы посетили во время нашей летней школы, кроме того, что все они служат напоминанием о советской уголовно-исполнительной системе, – это их абсолютная заброшенность и маргинальность. Про каждое из них можно сказать, что это Богом забытое место!

Музей «Пермь-36», позиционирующий себя как «единственный музей истории ГУЛАГа в России», находится в унылой деревеньке, где живут лишь старики и алкоголики, и два раза в сутки туда приезжает автобус. Большую часть жителей этой деревеньки составляют пенсионеры или сотрудники психиатрической клиники, расположенной в бывших лагерных казармах бок о бок с музеем.

Музей ИТК-35 в посёлке Центральном – это ещё одно Богом забытое место. Его не найдёшь в телефонном справочнике или в адресной книге, даже в Интернете на него практически нет ссылок. Попасть в музей можно лишь в том случае, если у тебя есть на руках специальное разрешение, – только тогда часовой на входе откроет шлагбаум и пропустит внутрь. Причина в том, что музей расположен в непосредственной близости от функционирующей и по сегодняшний день исправительной колонии № 35. Владимир Кургузов, бывший надзиратель ИК-35, является основателем этого музея, а ныне – его директором и практически единственным сотрудником. Экспозиция музея, представляющая собой странную смесь этнографических вещей и ценных исторических материалов и документов, служит, скорее, памяти ветеранов войны и её героев. Она напоминает нам не об истории политических репрессий, как логично было бы предположить, судя по её месторасположению. Так, экспозиция в одном из залов музея называется «Они защищали Родину», а представленные здесь экспонаты и фотографии посвящены героям и жертвам различных войн – Великой Отечественной, Чеченской, Афганской...

Место, где в 1940–1970-е годы находился лагерь Створ, сегодня уже давно «заросло травой времени», как писал А. Твардовский. Причём не только в переносном, но и в прямом смысле. Тут почти ничто не указывает на ужасные события прошлого, происходившие здесь ещё совсем недавно. Лишь благодаря стараниям группы волонтеров и энтузиастов Молодёжного «Мемориала» это место не превратилось в сплошные заросли крапивы и является сегодня памятным местом.

Насколько, казалось бы, разнятся эти три памятных места с точки зрения отображения ими истории и того, чьей памяти они посвящены, настолько схожи они в своей заброшенности и отдалённости. Это весьма символично передаёт отношение к тем репрессиям, сложившееся в коллективной памяти сегодняшнего народа. Воспоминание об этом – это воспоминание где-то на краю памяти, на краю истории, ненужное, неприятное воспоминание.

За время летней школы мы посетили много различных памятных мест, чтобы затем осмыслить это и проанали-

Панорама деревни Кучино. На заднем плане – дорога, ведущая в мемориальный комплекс «Пермь-36».

Базовый лагерь летней школы недалеко от места памяти Створ.

зирать. При этом меня всё время не покидало ощущение сторреалистичности происходящего. Мне, например, непросто было понять, как так в Перми, где в центре города раньше находилась следственная тюрьма НКВД, нет даже маленькой таблички в память о тех, кто там погиб. Зато перед этой тюрьмой есть памятник, установленный «в память о сотрудниках уголовно-исполнительной системы, погибших при исполнении служебного долга в мирное и военное время».

Память как объединяющий символ

Повсеместная память о Великой Отечественной войне имела большое значение для советского народа, израненного и сталинским террором. Анной Ахматовой была однажды произнесена фраза, ставшая впоследствии крылатой: «Арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Война против общего врага помогла объединить народ. Позже, особенно в брежневские годы, память о Великой Отечественной войне особенно сильно подвергалась мифологизации, превращалась в культ и стала в итоге своеобразным опорным элементом в коллективной памяти русского народа. Однако эта пропагандируемая государством память значительно усложняла бытовавшую ранее схему «жертва – преступник», соединяя воедино разные пласты и перспективы случившегося. Как метко выразился немецкий историк Карл Шлёгель, «советский народ приобрёл в войне «двойной опыт».

Неразрывная связь и многослойность мифологизированных и однозначных оценок значительно усложняет оценку событий, если не делает её практически невозможной. Так, образ войны, сплотившей народ, подавался государством исключительно позитивно с идеологической точки зрения, и к этому образу прилепывался личный опыт каждого прошедшего войну, личные переживания и впечатления. Зачастую в памяти народа был запечатлён совсем другой образ войны, не тот, который создавался властями. Однако любая попытка как-то принизить героизм советского народа выставлялась властями как клевета и наговаривание. Насаждавшиеся идеологией мифы и сегодня чётко разграничивают «героев» и «предателей», когда речь идёт о Великой Отечественной войне. И лишь в личной памяти каждого обнаруживается многослойность и многозначность трактовок, где бывает трудно отделить героев от предателей, жертв от преступников и так далее. Идеология и перекраивание истории, рисующие в массовом сознании лишь героев и жертв, как будто стирают вопросы о вине и ответственности.

Выбор картины прошлого сделан?

Смена парадигмы в немецкой идеологии, а именно переход от категорий «победитель» и «побежденный» к категориям «преступник» и «жертва», на что обратила внимание культуролог Алейда Ассманн (Aleida Assmann), не могла бы произойти в сегодняшней России. Здесь в отношении памяти о войне доминирует позиция страны-победителя, народа-победителя, и причины тому не надо далеко искать. Это, говоря словами Алейды Ассманн, священная, культовая память. И когда в России речь заходит о жертвах, то, конечно же, имеются в виду жертвы войны, то есть те, кто принесли себя в жертву войне, и это воспринимается как их подвиг, самопожертвование. В категорию жертв при этом никоим образом не попадают жертвы политических репрессий, которые большевиками приравнивались тогда к предателям. Такое представление превалирует сегодня и в сознании народа. Может быть, что та двойствен-

ность и многозначность образов, связанных в сознании русского человека с понятием войны, о которой говорилось выше, и мешает смене парадигмы относительно понятия «жертвы». Гораздо проще и надёжнее укреплять массовое сознание русского народа мифами о победе и положительными образами. Однако такой путь не избавит от противоречий в памяти и сознании народа, а, наоборот, приведёт к ещё большим конфликтам – как внутренним, так и в отношениях с соседними странами. Опасность мифов о победе кроется в сущности самой победы как крайне противоречивого и многозначного явления.

Каждый, кто воздерживается от навязываемой свыше точки зрения и пытается самостоятельно разобраться с комплексом проблем, касающихся темы войны и победы, не может избежать целого клубка вопросов о цене победы и её последствий. Пытаясь найти ответы на эти вопросы, нельзя пройти мимо вопроса и о сущности сталинизма, насилии, терроре. Победа в войне и ужасы тоталитарного режима теснейшим образом связаны между собой в России. Поэтому воспоминания о войне автоматически вызывают из памяти воспоминания о терроре и репрессиях того времени. Хотя можно и возразить, что в России лишь очень немногие критически осмысливают происходившее, в то время как большинство предпочитает придерживаться насаждаемой сверху точки зрения. Проблема-то как раз и состоит в том, что в России вряд ли есть хоть одна семья, которую бы не задела тема войны и тема террора в их связи друг с другом. Память об одном и о другом не только противопоставлены в сознании людей друг другу, более того, они существуют бок о бок друг с другом и даже обуславливают друг друга, связаны часто с личностью одного и того же человека. Этот вопрос и по сегодняшний день остаётся своеобразным камнем преткновения в сознании народа, в высшей степени проблемным и сложным вопросом.

Многие учёные придерживаются мнения, что насаждение мифов о победе является преградой на пути к признанию советского прошлого в России и, в первую очередь, мешает открыто говорить о таких вещах, как ГУЛАГ и политические репрессии. На мой взгляд, тема войны даёт толчок для осмысления многих вопросов, касающихся советского прошлого страны. И конечно, нельзя обойтись без смены парадигмы в политике по этому вопросу, и вместо насаждения мифов о народе-победителе стоило бы открыто обсуждать весь комплекс проблем, связанных с темой войны, в том числе и вопрос о том, кого считать жертвами и преступниками, совершавшими злодеяния. А для этого, говоря о войне, нельзя молчать о сталинских репрессиях.

Вот почему в современной России есть и два реквиема: один – написанный Анной Ахматовой в память о тех, кто исчез в многочисленных тюрьмах и лагерях страны, и другой – написанный Робертом Рождественским в память о тех, кто пал в Великой Отечественной войне. В России сегодня есть и два типа памятных книг и мемориальных памятников – одни посвящены жертвам репрессий, другие – жертвам войны, и два разных «Мемориала»¹.

В России можно считать задачу преодоления этого «раскола» в памяти народа вызовом нынешнему поколению. Здесь не обойтись без такта и уважения ко всем, кого коснулась эта беда, а также без бережного отношения к их воспоминаниям. Только признание преступлений и реабилитация жертв репрессий в совокупности с готовностью нести ответ-

1 Имеются в виду российская правозащитная организация «Мемориал» и ОБД «Мемориал» – обобщённый компьютерный банк данных, содержащий информацию о советских войнах, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

ственность за содеянное могут послужить основой для создания новой, зрелой культуры памяти в сегодняшней России.

Послание Президента РФ Дмитрия Анатольевича Медведева, опубликованное в его интернет-блоге 30 октября 2009 года по случаю Дня памяти жертв политических репрессий, можно трактовать по-разному. Так же, как и введение произведения Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в курс обязательной школьной программы для старшеклассников. Быть может, и то и другое можно считать маленьким шагом в сторону преодоления тёмных страниц прошлого в России. Пускай ещё только маленьким и осторожным, но от этого не менее важным шагом на этом длинном и непростом пути.

Феномен памяти россиян и наши перспективы

Роберт Латыпов

В современной России ситуация с тем, какой оценки заслуживает эпоха сталинизма, оказывается поистине парадоксальной. С одной стороны, тот факт, что миллионы ни в чём не повинных людей стали жертвами террора, ни для кого не является секретом. С другой стороны, ни государство, ни общество ещё не готовы к тому, чтобы критически, без идеализации оценивать события истории и отказаться от мифов «о славном героическом прошлом» той эпохи.

Благодаря стараниям международного общества «Мемориал» и ряда других организаций, а также благодаря рассекречиванию российских архивов и обширным исследованиям историков, краеведов и журналистов, нам сегодня известно большое количество мест, непосредственно связанных с историей сталинского террора. Это и здания, где раньше располагались учреждения НКВД и где принимались решения о массовых репрессиях и выносились приговоры. Это и несчётное количество тех мест, где репрессии осуществлялись и где приговоры приводились в исполнение, – это места массовых расстрелов и братские могилы, лагеря и тюрьмы НКВД, спецпоселения и исправительные колонии. Доступные нам на сегодняшний день источники позволяют проанализировать и оценить охват репрессий и их характер, выявить, кто именно подвергался репрессиям. Ещё есть живые очевидцы этих ужасных событий, они могут дать ответы на вопросы, которые не найдёшь в официальных бумагах. Теоретически люди знают о том, что в стране раньше совершались репрессии, и это могло бы стать основой для открытого разоблачения идеализации советского прошлого, мифов и попыток перекраивания истории. Тем не менее в сегодняшней России в глаза бросается крайняя фрагментарность памяти о сталинских репрессиях.

Проводимые нами интервью всё больше укрепляют меня в убеждении, что на сегодняшний день в России уже не отрицается сам факт существования сталинских репрессий и системы тюрем и лагерей. Все опрошенные нами люди знают о ГУЛАГе, о политических репрессиях. И это люди разных национальностей, с разным уровнем образования и принадлежащие к совершенно разным слоям населения, живущие в городе и

на селе, – то есть люди совершенно разные. И все они без исключения имеют представление о масштабах проводившихся репрессий и приблизительном количестве их жертв, могут даже назвать наиболее известные имена тех, кто стоял за всей этой системой.

И в то же время память о репрессиях очень *ассоциативна* и *фрагментарна*, наполнена большим количеством личных переживаний и субъективных образов. Так, говоря о том, что такое ГУЛАГ, человек может привести вам в пример аспекты лагерной жизни и распорядка дня, называть какие-то отдельные события, места или явления, но при этом совершенно не имеет представления о том, каких размеров достигала вся эта карательная система. Он не имеет представления о сотнях лагерных управлений и тысячах лагерных пунктов, разбросанных по нашей стране, об этом огромном механизме – своего рода государстве в государстве. Сегодня для большей части россиян ГУЛАГ – это то, что показано в фильме «Холодное лето 1953-го» или то, о чём говорится в повести Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича». И это в лучшем случае. Представление о том, что такое ГУЛАГ, состоит зачастую из нагромождений мифов, а недостаток знания фактической информации компенсируется ассоциациями, фобиями и личными впечатлениями. Таким образом, события советского прошлого оцениваются основываясь не на фактах, а на эмоциях, и их интерпретация зависит от морально-нравственных принципов отдельного человека и его личного взгляда на проблему террора и репрессий.

Кроме того, память россиян о терроре фокусируется прежде всего на самих жертвах репрессий, а не на тех, кто их совершал. Государственные структуры и их сотрудники остаются как бы за пределами этой памяти. Большинство моих сограждан политические репрессии советского времени воспринимают как некое стихийное бедствие или пожар, раздутый большевиками, и при этом нет и речи об ответственности государства за учинённые им преступления. Очень показательным в этом плане был случай, когда в рамках летней школы мы посещали памятное место Створ на реке Чусовой. К нам подошла группа туристов, и один молодой человек вспомнил о судьбе своего деда, попавшего в руки сотрудников НКВД и затем сосланного на десять лет по приговору какого-то негодяя судьбы в лагерь, где и спинул. Когда я в связи с этим попытался заговорить с ним о вине государства, его ответственности за совершённые преступления, молодой человек лишь махнул рукой и сказал, мол, да при чём тут вообще государство? Просто судья, засадивший деда в тюрьму, был подонком, вот и всё. Нельзя считать, что эпоха Сталина была таким прямо ужасным временем, мы ведь войну тогда вышрали...

Увиденное на Створе увязывается в памяти молодого человека, в первую очередь, с историей о деде, вызывает негодование по поводу несправедливости его судьбы, но при этом не является толчком к тому, чтобы задуматься о сущности машины репрессий и её размерах, даже просто спросить себя, кто на самом деле в ответе за всё происходившее. Это нежелание или неумение абстрагироваться от личной истории семьи и критически осмысливать исторические факты на сегодняшний день проявляет себя как тенденция снять вину с государства за его деяния. Такое чувство, что и на сегодняшний день в сознании людей преобладает миф о неприкосновенности государства. Этот миф находит выражение, например, в широко распространённом мнении, что русский народ в то время нуждался в сильном вожде, да и сегодня тоже в нём нуждается. И этой необходи-

Профессор Андрей Суслов во время беседы о научно-исследовательском ландшафте вокруг темы истории политических репрессий.

мостью жёсткого управления страной – в целях сплочения общества, модернизации или стабилизации государства – и сегодня продолжают оправдывать необходимость репрессий и оспаривать сам факт совершённых преступлений.

Наряду с *фрагментарностью* памяти и воспоминанием исключительно о *жертвах* репрессий, а не о тех в том числе, кто за ними стоял, следует подчеркнуть также такой негативный момент, как *пассивность* памяти людей. Люди помнят о сталинских репрессиях и воспринимают их как трагические страницы истории, но не требуют при этом критического осмысления этих событий с точки зрения политики и идеологии, и не хотят сами критически их осмысливать. Создаётся впечатление, что люди воспринимают эпоху сталинского террора как нечто, что их уже не касается, как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Кто-то считает, что такая пассивность вообще является особенностью нашего времени. Некоторые говорят, что такие феномены, как пассивность и равнодушие к памяти, – вообще специфическая черта русского народа. С этим я никак не могу согласиться и в качестве подтверждения своего мнения могу привести пример с памятью о другом трагическом событии в истории нашей страны – Великой Отечественной войне. Традиция праздновать 9 мая День Победы воспринимается народом с большим воодушевлением, и о пассивности по отношению к этому памяtnому событию со стороны людей не может быть и речи. В отличие от политических репрессий, каждый чувствует свою причастность к событиям войны, считает их неотделимой частью истории своей семьи или своей личной. Слова «Никто не забыт, ничто не забыто» красочно иллюстрируют отношение к культурной памяти народа, так же как и акции «Георгиевская ленточка», массовые возложения венков к могилам солдат, всё возрастающее участие волонтеров в поисковых отрядах и т. д. Все эти акции достигли размаха общественного движения, которое активно поддерживается со стороны государства, и для большинства людей участие в мероприятиях по случаю празднования Дня Победы – их личная инициатива и желание, вне зависимости от их возраста.

В процессе обсуждения с моими немецкими коллегами проблем культурной памяти, необходимости критического подхода к истории и разоблачения страшных событий прошлого (в том числе и прошлого нацистской Германии) мне стало ясно, насколько различно в России и Германии отношение людей к этому вопросу. По мнению моих коллег, у немцев разговоры об ответственности за события 1933–1945 годов порой вызывают в ответ реакцию вроде «Сколько можно уже напоминать нам о нашей вине? Разве недостаточно извинений, которые мы уже не раз принесли?» В ответ на попытки оценивать произошедшее исключительно с позиций «немецкий народ – главный виновник трагедии» может последовать возражение: «и мы (немцы) были жертвами войны».

Логика русских людей в этом вопросе совсем иная. Отсутствие интереса к теме политических репрессий и сталинского террора связано, прежде всего, с весьма распространённой позицией: мол, зачем всё это надо, если меня лично это никак не касается? С другой стороны, русские искренне возмущаются, когда им говорят о противоречии: народ-победитель – с одной стороны, и непризнанные жертвы политических репрессий – с другой стороны. Мол, да что вы говорите, ведь было и хорошее, была же победа! И, наконец, любая попытка разоблачения мифов и обличения идеализации советского прошлого наталкивается на праведный гнев человека, воспринимающего это как посягательство на его патриотические чувства: «Моя страна – это моя страна. И я горжусь ею во что бы то ни стало!»

Вне всякого сомнения, причины пассивности памяти людей стоит искать в проводимой государством политике в отношении событий советского прошлого и в попытках пере-

кроить историю, перевернуть всё с ног на голову. Строительство музеев и мемориальных комплексов в память о жертвах сталинского террора не является одной из приоритетных задач для государства. Да и сами власть имущие весьма неохотно выражают свою позицию по этому вопросу публично, не хотят говорить о своём отношении к преступлениям сталинской эпохи. Это очевидно, что у государства иные приоритеты, нежели дать всестороннюю объективную оценку истории политических репрессий в СССР. Но мне кажется, что это лишь одна сторона медали, поскольку вопрос о политических репрессиях касается не только властей, но и всего народа и каждого отдельно взятого гражданина страны. При этом организации вроде «Мемориала» видят свою задачу главным образом в борьбе с таким человеческим равнодушием к собственной истории, наблюдаемому в сегодняшнем обществе.

На нашей совести – дать взамен такой фрагментарности памяти народа всеохватывающее знание об истории террора, репрессий, их жертв и исполнителей. Наша задача состоит в том, чтобы показать связь между различными явлениями, происходившими в эпоху сталинизма, между отдельными проявлениями террора, начиная с массовых ссылок, коллективизации и вплоть до эпохи Большого террора в 1937–1938 годах, до системы лагерей и тюрем НКВД. Россиянам нужно разъяснить идеологическую подоплёку происшедшего, рассказать о советской модели власти, о машине репрессий и, само собой, о том, какой была повседневная жизнь простых людей в эпоху сталинизма. Лишь просвещением людей и распространением специальных знаний можно добиться искоренения мифов из массового сознания.

Важно постоянно напоминать государству и людям в нём, что необходимо уметь признавать своё прошлое и нести за него ответственность. Необходима юридическая и правовая оценка происшедших событий.

Вместе с тем жертвы репрессий не должны представляться безликой массой. У жертв террора должно быть лицо, в центре внимания в этом вопросе должен стоять человек, человеческая личность. Лишь так мы сможем дать понять нынешнему поколению, каковы могут быть последствия, если предоставить государству неограниченную власть. Только если граждане страны проявляют инициативу и осознают свою ответственность, государство имеет меньше шансов взять неограниченную власть над ними, и только тогда люди могут контролировать государство.

Наша сегодняшняя цель – подвести людей к выводу, что память о жертвах сталинского террора нужна, что необходима борьба с идеализацией советского прошлого и перекраиванием истории и что сталинские репрессии являются частью памяти народа. Без сомнения, такая задача – непростой для нас вызов. Но нам есть на что опираться. Первое поколение «мемориальцев» стояло перед куда более сложной задачей – объяснить советскому человеку, что в его государстве были репрессированы сотни тысяч людей, раскрыть глаза на сущность сталинского террора. Наши сегодняшние цели кажутся мне чуть более лёгкими по сравнению с этим. Если первые «мемориальцы» смогли это сделать в тех условиях, значит, сможем и мы. Ведь если хотим жить сегодня в этой стране по чести и совести, мы во что бы то ни стало должны принять этот вызов и достичь цели.

*Во время беседы с
Александром Калихом,
основателем общества
«Мемориал» в Перми.*

Конец отчуждению?

Ульрике Хун

Вокруг общества «Мемориал» и Молодёжного «Мемориала» в Перми за последние годы сложился особый круг заинтересованных людей и активистов. Не последнюю роль в этом круге играют и приезжающие в Пермский край немцы. С середины 1990-х годов активно развивается сотрудничество пермских общественных организаций с немецкими партнёрами. В Перми проходят альтернативную военную службу молодые люди из Германии, ухаживая здесь за бывшими политрепрессированными. Сюда приезжают участники программ фонда «Немецко-российский обмен».

Особую роль в этом сотрудничестве играет взаимодействие «Мемориала» с немецкой волонтерской организацией Aktion Sühnezeichen Friedensdienste («Акция искупления – служба делу мира»), сокращенно ASF, при содействии которой в Перми начиная с 1998 года проводятся семинары, летние волонтерские лагеря и каждый год по обмену приезжают волонтеры из Германии. Для ASF с идейной точки зрения необходимым условием понимания событий истории и активного их осмысления является признание преступлений нацизма, осознание того, что исторический опыт и сегодня продолжает влиять на людей и общество: *без прошлого не могло бы быть настоящего, каким бы это прошлое ни было*. Во время подготовки к летней школе «ГУЛАГ в российской памяти» немецкие участники изучали материал о преступлениях нацизма, о дискуссиях в Германии на эту тему; о том, как в местах, где раньше совершались преступления нацистского режима, сегодня возводятся мемориальные комплексы и музеи, проводятся различные исследования. И это отразилось на том комплексе вопросов, которым занимались уже все участники летней школы во время её проведения.

В этом эссе мне бы хотелось показать специфику чисто немецкого взгляда на проблемы недавней истории и исторической памяти народа, политики местных властей по отношению к памятным местам и мемориальным комплексам на примере Пермского края.

Тот багаж представлений о нацистском прошлом своей страны, с которым приехали немецкие участники, те мероприятия и общественные дискуссии, опыт которых они имели, зачастую приводили к тому, что и российские участники начинали сопоставлять свои позиции относительно прошлого своей страны с этими немецкими образцами. Этот обмен мнений и опыта и является темой данной статьи.

Что такое лагерь?

Уже в определении этого понятия кроется определённая проблема. Лагерь в понимании русских – отнюдь не то же самое, что лагерь в понимании немцев. В Германии нет исправительно-трудовых лагерей, есть только тюрьмы как места отбывания наказания за преступления. Для немцев понятие «лагерь» связано с концентрационными лагерями Третьего рейха, «лагерями смерти», во многих из которых сегодня находятся мемориальные комплексы и музеи. В России «лагерь» – это, с одной стороны, место, где и сегодня отбывают заключение преступники: тюрьма, исправительно-трудовой лагерь и т. п.; с другой стороны, «лагерь» – это ГУЛАГ.

Само по себе *лагерь* вызывает разные ассоциации и представления об этом месте в сознании немцев и россиян. Когда немец произносит слово «лагерь», он имеет в виду, прежде всего, место, где раньше совершались преступления. На сегодняшний день это место «вне закона»,

благодаря большому числу музейных и педагогических работ. Для русского понятие «лагерь» подразделяется на другие, более конкретные понятия применительно к каждому типу. Так, функционирующие на сегодняшний день места заключения, где отбывают наказание преступники, называются *лагерь, исправительно-трудовая колония* или *зона*. Слово «зона» отнюдь не исчерпывается имеющимся в немецком языке понятием «*Zone*». Зона – это действительно некая область, специальная территория, но есть существенное добавление: *зона* – это особая территория, где содержатся заключённые. Лагеря сталинской эпохи обычно называются общим понятием «ГУЛАГ», хотя если расшифровать это сокращение, получим название не лагеря, а учреждения – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения¹.

Словом «ГУЛАГ» сегодня может обозначаться как государственное учреждение, так и вся система лагерей по стране в целом, а также какой-то один отдельно рассматриваемый лагерь этой системы. После выхода в свет произведения А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» слово «ГУЛАГ» было и является общим обозначением совокупности всего, что связано с ужасами лагерей и репрессий в эпоху сталинского террора. Временные рамки обозначаемых этим словом явлений – вопрос спорный. Закончился ли ГУЛАГ со смертью Сталина в 1953 году? Или же он прекратил своё существование после массовых освобождений репрессированных во времена хрущёвской оттепели после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС в 1956 году и разоблачении культа Сталина? Или же после освобождения последних заключённых после распада Советского Союза, уже в феврале 1992 года? Как собрать воедино столь разрозненные представления и ассоциации?

Можно пойти дальше. Правильным ли понятием оперирует музей «Пермь-36», называя себя Музеем истории ГУЛАГА и делая при этом акцент в экспозиции, посвящённой жизни бывшего лагеря, на период с 1972 по 1987/88 год, когда сюда заключали диссидентов? Какими понятиями стоит оперировать немцу, чтобы правильно оценить масштаб и суть лагерей ГУЛАГА и значение конкретно данного музея «Пермь-36»? И если речь идёт об эпохе уже после смерти Сталина, когда в лагеря заключались диссиденты и борцы за свободу прав человека, не будет ли более точным и уместным приводить сравнение с бывшими тюрьмами ГДР, ныне мемориальными комплексами в Германии Berlin-Hohenschönhausen и Bautzen, хотя эти места были лишь тюрьмами, не *лагерьми*? Ведь фактически условия содержания заключённых «Перми-36» в 1980-е в бараке особого режима (его сегодня можно посетить во время экскурсии по музею) больше походят на условия обычной тюрьмы, чем лагеря. В отличие от лагерей советского времени, где заключённые обычно содержались в колониях и могли свободно перемещаться по территории лагеря, заключённые в *бараке особого режима* были размещены в отдельных камерах и не имели права их покидать, т. е., по сути, они были так же изолированы друг от друга, как в тюрьме. Лагерь здесь = лагерь там? Аупвиц = ГУЛАГ? Эти формулы слишком просты и неточны, чтобы обозначить ими всю специфику. Взгляд снаружи не даёт полной картины.

О дискуссии между Ковалёвым и Кукушкиным

Начало совместной работы немецких волонтеров из ASF и «Мемориала» ознаменовалось громкими спорами и даже некоторой растерянностью. Целью их первого совместного летнего лагеря в 1998 году была помощь при реконструкции музея «Пермь-36». Двадцать три участника – немцы, поляки и русские – за три недели работы под лучами уральского солнца намеревались восстановить на этом месте внешнюю изгородь, раз-

¹ ГУЛАГ – аббревиатура Главного управления лагерей. Так называлось раньше подразделение НКВД, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в 1934–1960 годах, важнейший орган системы политических репрессий в СССР.

рушенную после закрытия лагеря. Руководил работой служащий музея Иван Кукушкин, который, как выяснилось уже во время работы, был раньше надзирателем в бывшем лагере ВС-389/36. Удивлению немецких участников не было границ: как бывший надзиратель посмел участвовать в работах по реконструкции лагеря, напоминающего о жертвах политических репрессий в России? Для российских участников это обстоятельство не было столь шокирующим. По крайней мере, так это было представлено в репортаже по западногерманскому радио. Кто же ещё должен возводить музей в этой глуши, кроме как жители самой деревни Кучино? Ведь их жизнь, так или иначе, всё равно связана с этим лагерем. Ремесленник, поставщик или надсмотрщик – какая разница?

Жителям деревни не приходится быть слишком привередливыми в выборе работы. Но немецкие участники летней школы, уже много где побывавшие и много чего видевшие, начали сомневаться в смысле своей работы. Для прояснения ситуации из Москвы были приглашены три бывших заключённых этого лагеря, бывшие диссиденты – Сергей Ковалёв, Алексей Огородников и Лев Тимофеев. Сергей Ковалёв, к удивлению немцев, полностью поддержал факт работы бывшего надзирателя лагеря Ивана Кукушкина и даже поставил под сомнение демократичность взглядов немцев на этот вопрос. Поэтому прощание с бывшими диссидентами было прохладным. Работы по восстановлению изгороди всё же были завершены, но уезжали немцы с массой вопросов и поводов для размышлений. Они осознали, сколь обманчивы были их ожидания от поездки и сколько же иллюзий они питали, приезжая на это место².

С тех пор прошло уже более десятка лет. Иван Кукушкин по-прежнему является работником в музее «Пермь-36», следит за сохранностью музейного имущества. Но с тех пор он стал осторожнее и уже не даёт интервью. Лишь в качестве исключения он согласился ответить на вопросы участников нашей летней школы. При этом он не переставал придерживаться выбранной им заранее стратегии в ответах на неприятные вопросы, которые задавали, прежде всего, иностранцы. Он приводил оправдания: «Когда сюда приезжают иностранцы, я спрашиваю их в ответ: а что, у вас разве нет тюрем и колоний? Конечно же, есть, отвечают они. И что, для работы в них не нужен персонал? Конечно же, нужен. Так вот и здесь – всё точно так же»³.

Интересен также тот факт, что в Интернете на различных форумах появляются обсуждения на тему, как следует вести себя и как следует разговаривать с бывшим сотрудником лагеря. В живом журнале «Новой газеты» развернулось активное обсуждение: сотрудница газеты, побывавшая в музее «Пермь-36» и узнавшая о том, кем раньше работал там Иван Кукушкин, задала интернет-аудитории вопрос: «Зная ситуацию, подали бы вы, не обязательно на месте диссидента, просто как брат, друг или внук репрессированного (а кто из нас не из таких), руку бывшему лагерному надзирателю? И почему?»⁴

Реакция на этот вопрос отражает весь спектр мнения аудитории, которую составляют, без сомнения, активные, прогрессивные и критически мыслящие молодые люди⁵. *«Нет, я бы не пожал ему руку. Сотрудники лагерей и казёбэшники и сейчас пытаются превратить страну в большой концлагерь. Верный ученик этих палачей сидит сейчас в кресле премьер-министра. Глюкнул бы, это да, а руку бы не подал, её же мыть потом придётся»*. В ответ на это последовала реакция: *«Послушай, в*

2 См. также статью Николая Хёффера на http://www.hoefer-murer.de/texte/russ_perm_TE.htm (Anfrage 1.12.2009) и фильм авторов Андреаса Рестле и Георгом Маусом совместно с Майей Гусаровой, под редакцией Вольфганга Ландагребера «В ГУЛАГ по доброй воле. Молодёжь из Германии реставрирует советский исправительно-трудовой лагерь» (WDR 1998).

3 См. также статью Юлии Пермяковой в данной брошюре.

4 См. также <http://novayagazeta.livejournal.com/113119.html>, от 01.12.2009.

5 «Новая газета» считается одним из самых независимых изданий в России и отличается критичностью статей.

этих местах с работой приходится туго, выбора особого нет, есть вариант охранных заключённых – народ идёт и на такую работу. А то, виноват или нет был осуждённый, не часовой решает». Далее другой участник обсуждения пишет: «А что же сам Кукушкин? Стыдно ему? Раскаивается ли он в содеянном?» В ответ следует комментарий уже от автора вопроса: «Насколько мне известно, он не очень понимает, почему вокруг него шум. Ну, раньше работал, сейчас работаю...» Другой комментарий, следующий далее, напрямую затрагивает и ситуацию в сегодняшней Германии: «У нынешних немцев, осуждающих нацизм и безоговорочно с ним порвавших, такой вопрос даже не поместился бы в голове. Если бы вдруг среди сотрудников персонала музея в Дашау, к примеру, оказался бывший капо или простой стрелок с вышки... Даже представить страшно, что бы в стране творилось. Боюсь, что даже грядущие выборы в бундестаг бы сорвались».

Позиция нынешних молодых людей в России – либеральных, образованных, в первую очередь живущих в городе, а не на селе – мало чем отличается от мнения немецкой молодёжи по этому вопросу. Это подтвердилось и во время нашей поездки в посёлок закрытого типа Центральный. Часовой в чёрной одежде у шлагбаума, открывающийся на колонию вид с подъездной дороги, автобусы, в которых перевозили заключённых, – всё это вызывало отчуждение и смущение как у немецких, так и у российских участников. Это было общим для всех потрясением, что лагерная жизнь, о которой незадолго до этого рассказывалось в музее «Пермь-36» как о событиях, ушедших в прошлое, где-то в другом месте (совсем рядом!) продолжает существовать как нечто само собой разумеющееся⁶.

Переоценка истории немцами как «евростандарт»?

Замечания по поводу переосмысления немцами своей истории во время летней школы с их участием в России были неизбежны. Часть из них воспринималась как риторические вопросы, часть из них давала толчок для будущего взаимодействия.

Алексей Грибанов, депутат Пермской городской думы, являющийся председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. На вопрос одного из российских участников летней школы по поводу того, не слишком ли отдалённое и неприметное место выбрано для мемориального комплекса в память о жертвах репрессий – на краю Егошихинского кладбища в Перми – ответил встречным вопросом: «А что, в Германии разве на каждом шагу можно встретить памятники жертвам нацизма? Или прямо в центре города?» Вопрос, на самом деле риторический, повис в воздухе: после открытия в Берлине неподалёку от Бранденбургских ворот и бундестага памятника уничтоженным в Европе евреям память о холокосте и страшнейших преступлениях нацистского режима присутствует в городском ландшафте Германии. И об этом знали даже русские участники летней школы, ни разу там не бывавшие.

Для Александра Калиха, председателя общества «Мемориал» в Перми и её основателя, сотрудничество с немецкой организацией Aktion Sühnezeichen («Акция искупления») имеет огромное значение в отношении критического и осознанного переосмысления истории и переоценки событий исторического прошлого: как Германии, так и России. «Немцы очень мне помогли. Не только мне, всей нации в целом, всем русским, всем гражданам Российской Федерации, потому что они прошли путь, какой трудно себе

Исправительная колония № 10 недалеко от станции Воевожатская. Она находится в нескольких километрах от исправительной колонии № 35 («Пермь-35») в посёлке Центральном.

⁶ См. также статьи Нины Вольф и Валерии Яковлевой в данной брошюре.

представить, – это была огромная работа их совести. Они искали правду и смогли сказать себе эту правду. И это не было лёгкой и приятной задачей. И я думаю: господи, если бы Россия пережила хоть часть этого осознания и хотя бы немножко поразмыслила о своём прошлом и своей вине... Поверьте мне, виноваты в тех событиях были не только Сталин и власть имущие, но и простые люди тоже». Это объясняет, почему Александр Каких называет «Мемориал» и ASF родными организациями: «Мемориал – это ведь тоже своего рода акция искупления. Мы уже давно знаем друг друга, работаем вместе, организуем совместные летние волонтерские лагеря. Я говорил им (ASF), что они наша родная, единокровная организация. И это нисколько не преувеличение, это правда».

Конец отчуждению?

Мы всё больше узнаём друг о друге. И это не только благодаря приезжающим в регион немцам, но благодаря пермякам, принимающим участие в летних волонтерских лагерях ASF в Европе, проходящим социальный год в Германии, приезжающим по программам студенческого обмена в немецкие университеты или по стипендиальным проектам Коллегии имени Теодора Хойсса при поддержке фонда имени Роберта Боша. Кажется, что различия в оценках событий истории и в отношении к тому, что для этого необходимо, привязаны, скорее, не к национальным границам, а к уровню образования и принадлежности к тому или иному поколению.

Конечно, все участники летней школы обладали необходимым уровнем предварительных знаний: участники с российской стороны, как правило, уже неоднократно принимали участие в волонтерских лагерях и экспедициях по местам памяти, в том числе и на месте бывшего лагеря «Пермь-36». Непременным условием отбора участников с германской стороны был высокий уровень владения русским языком, соответственно, все они должны были иметь представление о стране и людях и быть готовыми преодолеть отчуждение и недоумение, вызванное различиями в реалиях, обменяться опытом в плане осознания своей идентичности.

Участники летней школы на Створе.

Единственный спор, который был между российскими и немецкими участниками, разгорелся во время нашей экскурсии из-за того, что лучше: закопать мусор на берегу реки Чусовой или везти его с собой в город? Некоторое недоумение было озвучено по возвращении домой: сувениром на память от музея «Пермь-36» стали банданы для защиты от солнца, с нарисованными на красном фоне черепами с серпом и молотом. Во время экспедиции мы все носили на головах эти платки. Это было очень практично. А мы были похожи на эдаких спящих взад-вперёд Красных шапочек. И лишь по возвращении домой мы задались вопросом: а возможно ли себе представить, чтобы где-нибудь в музее Аушвица продавались в качестве сувенира платки с рисунком в виде свастики?

И тут мы вновь возвращаемся к исходному вопросу: какие «лагеря» мы имеем в виду, насколько правильно вообще подобного рода сопоставление?

Состоялась ли наша летняя школа как диалог партнёров-единомышленников? В конце концов, это был совместный проект активистов «Мемориала» и других заинтересованных участников; проект, направленный на дифференцированное и аналитическое осмысление и переоценку тяжёлых страниц советской истории. Вопрос же о том, много ли в гражданском обществе в Перми или ещё где в России у «Мемориала» единомышленников, остаётся открытым.

Летняя школа как проект

Руководители проекта «ГУЛАГ в российской памяти». Слева направо: Мануэла Путц, Роберт Латыпов, Ульфрике Хун, Валерия Яковлева.

Руководители проекта

Мануэла Путц

Научный сотрудник Центра по изучению проблем Восточной Европы, Бременский университет

Демократизация, развитие некоммерческих организаций, гражданского общества и волонтерского движения в России – эти явления соответствовали духу времени 1990-х. Во время изучения истории и славистики в университете г. Вены я решилась на двухгодичную практику в Уральском центре поддержки некоммерческих организаций г. Перми по программе фонда «Немецко-русский обмен». Там я узнала о Пермском отделении общества «Мемориал» и его деятельности. «Мемориал» был своеобразным местом встречи заинтересованной молодежи, а для меня и своего рода пристанищем в чужой стране, связь с которой я ощущаю и сегодня.

По возвращении домой я завершила курс учёбы в университете, написав работу по теме «Сотрудники уголовно-исполнительной системы сталинского ГУЛАГа» на кафедре истории Европы университета имени Гумбольдта. На сегодняшний день я являюсь научным сотрудником Центра по изучению проблем Восточной Европы в Бременском университете. В своей диссертации я рассматриваю историю репрессий советских диссидентов в культурном дискурсе «лагерь для политзаключённых». К этой теме меня подвела активная работа с пермским «Мемориалом» и музеем «Пермь-36».

Наш совместный с Робертом Латыповым проект «ГУЛАГ в российской памяти» затрагивал не только научно-исследовательские интересы «Мемориала» и кафедры, сотрудником которой я являюсь, но и наш с ним личный исследовательский интерес. Несмотря на все различия в немецком и русском взглядах на теорию и практику в науке, мы воспринимаем и осмысливаем проблему, которой посвящён проект, в одном ключе, как единомышленники. В этом проекте были и полевые исследования, и прикладное изучение истории. Мы стремились к тому, чтобы втянуть при этом в межкультурный диалог как можно большее количество заинтересованных людей, чтобы он мог продолжиться и далее.

Роберт Латыпов

Сопредседатель Молодёжного «Мемориала», г. Пермь

Уже более десяти лет я являюсь активистом Пермского краевого отделения международного общества «Мемориал». Наша организация занимается не самой популярной в России темой – историей политических репрессий в СССР. Она довольно трагичная и тяжёлая. Процесс осознания и переоценки событий сталинского периода идёт довольно медленно, но без него будущее нашей страны невозможно. Поэтому так важны любые инициативы отдельных историков, общественных деятелей и целых организаций, целью которых является содействие распространению памяти о репрессиях.

Наш проект, проводимый в рамках программы «Мастерская история Европы» фонда «Память, ответственность и будущее», – лишь маленький кусочек всей мозаики. Так же, как и наши ежегодные поисковые экспедиции по местам лагерей ГУЛАГа и спецпоселений. Этот проект свёл воедино людей самого разного возраста, имеющих самый разный опыт за плечами: от студентов до историков и доцентов из Перми, Берлина и Бремена. Нас всех объединило желание восстановить историческую правду и своими глазами увидеть места, где осуществлялись репрессии и содержались политзаключённые, желание узнать, как всё это было на самом деле. И, что не менее важно, мы хотели понять, как и почему в сознании людей хранится память о тех или иных местах и событиях. Этот проект, как никакой другой, помог российским участникам в осмыслении событий собственной истории.

Ульрике Хун

*Научный сотрудник кафедры истории Восточной Европы,
Берлинский университет им. Гумбольдта*

Россия с её противоречивой историей покорила меня ещё до учёбы в университете. Будучи абитуриенткой, я приехала в Москву по программе «Добровольный социальный год» в общество «Мемориал» и ухаживала за бывшими жертвами политических репрессий. Вопросы о сталинизме, политических репрессиях, их сегодняшнем представлении и изложении сопровождали меня и позже, уже во время учёбы. Я училась в Берлинском университете по специальности «История». Через немецкую организацию ASF («Акция искупления – служба делу мира») я параллельно находила контакты общественных деятелей и организаций, заинтересованных в изучении истории сталинизма. Позднее при содействии «Мемориала» руководила международными летними волонтерскими лагерями в Перми и Санкт-Петербурге.

Проблема возможности педагогического освещения истории преступлений нацизма и сталинизма побудила меня пройти полугодовую практику в музее бывшего концлагеря в г. Люблин (Польша). Сегодня я сопровождаю группы молодёжи и взрослых посетителей музея Villa Marlier в Берлине, где в 1942 г. проходила Ванзейская конференция, рассказываю им о холокосте и о принудительных работах в нацистских лагерях.

С 2008 г. я являюсь научным сотрудником кафедры истории Восточной Европы в Берлинском университете имени Гумбольдта и пишу докторскую диссертацию «Смирение народа, церковь и молва в Советском Союзе в период с 1941 по 1960 г.».

Валерия Яковлева

Доцент кафедры культурологии, Пермский государственный технический университе

В течение последних восьми лет я являюсь доцентом на кафедре культурологии ПГТУ. По образованию я – историк. Разумеется, моя научная деятельность в области культурологии отразилась на моём отношении к гуманитарным наукам вообще. Воспоминания, память, память поколений – это явления, касающиеся, прежде всего, современной социокультурной реальности, и составляют, таким образом, область моих научных интересов. Моё желание принять участие в этом проекте основывается во многом и на возможности вступить таким образом в диалог с представителями других культур, диалог, переходящий границы поколений. Наш диалог имел весьма специфические и необычные черты: он носил неформальный характер и основывался на принципах равенства, а потому практически не носил привычного оттенка взаимоотношений «ученика и учителя», который я привыкла видеть за время работы в своём окружении. Наш диалог укрепил меня во мнении, что для развития гражданского сознания в обществе необходим диалог на равных началах.

Семинар после летней школы в Институте изучения истории Восточной Европы в Бремене. Слева направо: Ксения Янцен, Алеся Канапчук, Надя Дуэлас, Нина Вольф, Ульрике Хун, Карстен Клеге и Мачей Вонс.

Участники проекта

Мачей Вонс

Студент, ассистент на кафедре истории Восточной Европы, Европейский университет «Виадрина», г. Франкфурт-на-Одере

В своей жизни и учёбе я придерживаюсь принципа «В пространстве проявляется время», а поэтому много путешествую. Я изучал культурологию в Маастрихтском университете и окончил колледж иностранных языков в г. Ополь. В настоящий момент я изучаю историю Восточной Европы в Европейском университете «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере. При этом в числе прочего я изучаю различные аспекты сталинизма, вопросы культурной памяти в Восточной и Центральной Европе, а также рассматриваю топографические величины как объекты изучения истории. Я бы хотел заняться изучением также и советского лагерного ландшафта. Благодаря участию в этом проекте я значительно расширил свой практический опыт и научился «читать» лагерное пространство ГУЛАГа.

Нина Вольф

Докторант факультета прикладного литературоведения Мюнстерского университета

Я родилась в 1977 г. в Мюнстере, Вестфалия. Моя первая поездка в Россию совпала с августовским путчем 1991 года. Это было моё первое столкновение с российской историей. Позже я переехала в Восточную Германию, в Берлин, с его бурной и кипящей жизнью. В Берлинском университете имени Гумбольдта и в Свободном университете я изучала славистику, историю и культуру Восточной Европы, а также гендерные проблемы. Я много раз была в России с учебными и языковыми поездками. В течение одного семестра училась в Санкт-Петербурге и проходила практику в Санкт-Петербургском центре гендерных проблем. С 2009 года я являюсь докторантом Мюнстерского университета на факультете прикладного литературоведения. В своей диссертационной работе «Эмоционализация коллективной памяти в современной российской литературе» я рассматриваю современные литературные произведения в жанре «воспоминаний», их отношение к официальной политике истории и их значение в дискурсе российского национального самосознания. Кроме того, я работаю в качестве волонтера в Обществе по развитию германо-российских отношений в городе Мюнстер.

Юлия Пермякова

*Студентка Пермского государственного педагогического университета,
кафедра новой и новейшей истории*

Я стала интересоваться историей ещё задолго до того, как стала студенткой. Мне кажется малоинтересным просто читать материал по учебникам и пассивно сидеть на лекциях. История, которую изучаешь таким образом, кажется очень далёкой и чуждой. И хотя её и можно прочувствовать, но пережить как некий опыт нельзя. Мне больше по душе прикладная история: исследовать, как отображаются в человеческой памяти места и люди, как связано прошлое с настоящим. Меня интересует в первую очередь то, как память передаётся из поколения в поколение, ведь зачастую это происходит и вовсе неосознанно. Поэтому я с большим энтузиазмом откликнулась на предложение принять участие в германо-российском исследовательском проекте «ГУЛАГ в российской памяти». Для меня это большой шаг в понимании и осознании истории своей страны.

Карстен Клеге

Студент Бременского университета по специальности «Европеистика»

Мне 24 года. Я вырос и родился в городе Котбус. Это на востоке Германии, земля Бранденбург. Совсем недавно я закончил учёбу в Бременском университете по специальности «Европеистика». Моей специализацией были история культуры Восточной Европы и русский язык. На последнем курсе я принял решение проучиться семестр в Университете дружбы народов в Москве. Моя семья прореагировала на это решение с большим удивлением: «Как же так? Наш сын хочет учиться в России? Да ведь это время, слава Богу, осталось в прошлом?» Поскольку я вплотную занимался изучением истории России и коммунистического режима, я бы хотел внести свой вклад в то, чтобы разные нации и культуры вновь сблизилась, причём на уровне личных взаимоотношений. Важнейшей частью этого проекта в Перми лично для меня был именно культурный обмен между российскими и немецкими студентами.

Рамиль Фатхутдинов

*Студент Пермского государственного педагогического университета,
кафедра новой и новейшей истории*

Мне 22 года. Я студент четвёртого курса педагогического университета в Перми. Моя исследовательская работа посвящена проблеме массовых депортаций в 1930-е годы в так называемые спецпоселения в Пермском крае. Занимаюсь изучением таких вопросов, как возведение спецпоселений, принцип организации работы, административные аспекты депортации, роль спецпоселенцев в советском обществе, а также их значение для советской экономики. Проект «ГУЛАГ в российской памяти» заинтересовал меня по разным причинам. Мне хотелось узнать больше о том, как представлена история репрессий в музеях, поучаствовать в беседах с экспертами, разрабатывавшими концепцию этих экспозиций. Мне было также важно понять окружение этих мест и опросить местное население – что они знают о политических репрессиях?

Алеся Кананчук

*Студентка Бременского университета, факультет славистики,
выпускница Белорусского государственного университета*

Я родилась в 1982 году в стране, которой больше не существует. Born in the USSR – родилась в СССР. Моя родина была широка и необъятна, так поётся в известной советской песне «Широка страна моя родная». В этом я могла убедиться на собственном опыте. Родилась я в сибирском городе Ачинске, потом жила двенадцать лет в Казахстане, в Семипалатинске, и наконец, в 1995 году переехала в Белорусию. Уже тогда я стала задаваться вопросами, которые сегодня отношу к вопросам о собственной идентичности: кто я? Откуда я родом? Где сейчас для меня родина?

Я чувствую сильную руку истории, приложившуюся к моей личной судьбе, и поэтому ощущаю в себе потребность пролить дневной свет на неё, заниматься её изучением. Так я решила посвятить свою жизнь истории. В десятом и одиннадцатом классах я усиленно занималась этим предметом, после чего пять лет изучала его в Белорусском государственном университете. Поскольку я лично придерживаюсь мнения, что никакой историк не может довольствоваться односторонними перспективами, я поехала изучать историю в Германию. В Бремене я получила степень бакалавра по специальности «Европеистика и европейская интеграция» и очень рада тому, что смогла собрать большое количество знаний и опыт. Прежде всего, в области переоценки событий истории, памяти и культуры памяти – не только на национальном, но и на общеевропейском уровне.

Тоталитарное прошлое Советского Союза, нацизм в Германии, авторитаризм в сегодняшней Белоруссии – вот темы, интересующие меня в первую очередь. Я уверена, что критический подход к истории может быть очень полезен при поиске личной, национальной или вслед за тем наднациональной идентичности.

Участники летней школы во время полевого исследования. Впереди: Александр Романов (оператор), Роберт Латыпов, Рамиль Фатхутдинов, Ульрике Хун. Сзади: Мануэла Пуцц, Ксения Янцен, Мачей Вонс, Карстен Клеге, Мария Чудинова, Надя Дуглас, Алеся Кананчук, Юлия Пермякова, Александр Асланьян, Екатерина Гилёва, Нина Вольф и Валерия Яковлева.

Ксения Янцен

Студентка Бременского университета, специальности «Германистика» и «История»

Мне 26 лет, я студентка Бременского университета, изучаю германистику и историю. Почти десять лет назад я приехала в Германию в числе «поздних переселенцев», а пять лет назад поступила в университет, чтобы стать потом преподавателем по вышеперечисленным предметам. Экскурсионная поездка в Пермь не только дала мне возможность с исторической перспективы критически оценить и осмыслить историю советской лагерной системы, но и вместе с тем открыла взгляд на частичку прошлого России, сильно повлиявшего и на историю моей собственной семьи. Репрессии 1930–1940-х годов коснулись и многих её членов.

Надя Дуглас

Магистр по специальности «Международная политика в области государственной безопасности», институт политических наук ИЕР, Париж

У меня как политолога программа «Мастерская история Европы» вызывает особый интерес. Хотя во время своей учёбы в Бонне, Париже и Сиэтле я занималась в первую очередь вопросами национальной безопасности, исторические темы никогда не переставали интересоваться меня. Почти сразу же в качестве основного объекта исследований я выбрала Восточную Европу, Россию и Центральную Азию, где я неоднократно проходила практику и окончила языковые курсы. Отношения «Восток – Запад» на уровне политики могут быть поняты лишь в том случае, когда в стране не пытаются перекроить историю и подретушировать культуру памяти. Я решила поехать летом в Пермь ещё и

с целью ознакомиться поближе с работой пермской организации Молодёжный «Мемориал» и с тем, как идёт осознание истории в России. В этом мне помог данный проект. Для меня в нём было важно, прежде всего, то, что для русских и немецких участников «поиск следов истории» воспринимался и как повод вместе задуматься о культуре памяти в современном обществе.

Александр Асланьян

*Студент Пермского государственного педагогического университета,
кафедра новой и новейшей истории*

Профессия историка, в моём понимании, обязывает к тому, чтобы знать и историю политических репрессий в России. Наряду с профессиональной этикой у меня есть ещё и личный интерес узнать больше по этому вопросу, ведь террор коснулся и моей семьи. Семья моего деда была депортирована из Крыма по «национально-этническим» причинам. Отец моей бабушки стал жертвой массового расстрела. Часть моих родственников по линии матери были раскулачены и в принудительном порядке сосланы на проживание в другое место. Я изучаю весь комплекс вопросов, чтобы понять, как такое вообще могло происходить в нашей стране. Кроме того, гражданская активность и волонёрская деятельность для меня – это ещё и возможность реализовать себя.

Мария Чудинова

*Студентка Пермского государственного института искусства и культуры,
специальность «Культурология»*

Я интересуюсь культурой, искусством и всеми связанными с этим общественными процессами. После девятого класса я перешла из школы в Пермский педагогический колледж №4 и получила специальность «Учитель изобразительного искусства и технического чертёжа». После этого я сначала думала пойти дальше учиться на журналиста, но потом всё же решила посвятить себя культурологи. Сегодня я студентка Пермского института искусства и культуры. Я изучаю культурологию и с увлечением наблюдаю за тем, как живая история отражается в людях.

Владимир Миркин

Кандидат исторических наук, Томский государственный университет

Я – преподаватель Томского государственного университета. Моя научная и преподавательская деятельность во многом связаны с политической историей России. Но, как и всякий здравомыслящий человек, я включаю в понятие «исторического» – в самом широком смысле – и конкретного индивидуума с его окружением, а также и государство. В нынешнем мире, где разрушаются стереотипы и уже давно провозглашён «конец всякой метафизики», рефлексия по поводу собственной памяти, истории и времени даёт нам новые жизненные ориентиры и приближает нас к ответу на вопрос о нашем бытии в этом мире. При участии в этом проекте мне было крайне интересно попытаться охватить и проанализировать память, прочесть эти новые жизненные ориентиры, понять и оценить их культурный размах.

Екатерина Гилёва

*Студентка Пермского государственного технического университета,
специальность «Социология»*

Я студентка первого курса Пермского государственного технического университета, специальности «Социология». Я интересуюсь историей, в особенности – историей Пермского края. Мой интерес к этому проекту обусловлен возможностью научиться понимать историю политических репрессий сталинской эпохи и изучить, как эта история влияет на сегодняшнее настоящее, на наше осознание истории, на память последующих поколений и культуру памяти в России.

Партнёры проекта

Центр изучения проблем Восточной Европы, Бременский университет

Центр изучения проблем Восточной Европы был основан в 1982 году профессором Вольфгангом Айхведе как «надёжное хранилище» документов самиздата (т. е. подпольной литературы) из стран Восточной Европы. Задачей центра были и являются сбор свидетельств критического мышления и социальных движений из стран Восточной Европы, их анализ и упорядочивание по историческим, общественным и политическим структурам, а также публикация соответствующих результатов исследований. Во время «холодной войны», цензуры и репрессий это учреждение хранило память об инакомыслящих и оппозиционерах, выходцах из стран Восточной Европы.

В архиве центра хранятся свидетельства оппозиционеров, датируемые периодом после 1945–1953 гг., самой разной направленности: политической, религиозной, художественной, а также архивные документы эмигрантов из бывшего СССР – как личные документы, так и документация общественных организаций. В первую очередь, благодаря многолетней работе архивариуса центра Габриэля Суперфина и его обширным связям здесь также хранятся многочисленные материалы по истории диссидентства и политических репрессий в советское время, а также по истории движений в защиту демократии и прав человека в России. Особое место среди них занимают свидетельства потомков и самих политзаключённых, содержавшихся в 1970–1980-е годы в лагерях в Пермском крае.

На основе этого «институционального фонда» возникла идея, чтобы, основываясь на хранящихся в архиве биографических сведениях бывших заключённых, заняться в рамках данного исследовательского проекта изучением того самого пространства и тех самых мест, что так отразились на жизни людей, чьи свидетельства хранятся в этих архивах. Во главу угла при этом должны были ставиться даже не собственно исторические события и роль мест заключения в жизни их бывших узников, а исследование того, как хранится память об этих местах заключения в современности. Поскольку многие из репрессированных в Советском Союзе в 1960–1980-е гг. позже внесли значительный вклад в разоблачение ужасов сталинского террора, возникает довольно тесная связь между оценкой событий сталинской эпохи и последующего периода, которая и сегодня проявляется в виде борьбы с перекраиванием и идеализацией истории в России.

www.forschungsstelle.uni-bremen.de

Пермское краевое отделение международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»

Отделение общества «Мемориал» в Перми было основано в декабре 1988 года. На сегодняшний день Пермский «Мемориал» насчитывает более четырёх тысяч членов. Он имеет 19 филиалов в городах и районах края, являясь одной из крупнейших общественных организаций Пермского края. У «Мемориала» есть различные отделения. Так, Ассоциация жертв политических репрессий г. Перми занимается вопросами помощи бывшим репрессированным, решением их социальных проблем, ежегодным проведением Дня памяти жертв политических репрессий 30 октября. Другое отделение – Центр поддержки демократических молодёжных инициатив (Молодёжный «Мемориал») – занимается реализацией различных просветительских и правозащитных проектов, ориентированных на молодёжь.

Основными видами деятельности «Мемориала» являются восстановление исторической правды о преступлениях сталинизма и их разоблачение, содействие развитию гражданского и правового самосознания граждан. Спектр деятельности «Мемориала» включает самые разнообразные историко-просветительские проекты: ежегодные экспедиции «По рекам памяти», летние волонтерские лагеря на базе бывшей политзоны, а ныне музея «Пермь-36», проведение передвижных выставок по истории политических репрессий, волонтерская социальная служба, общественная кампания «Мой мир без вражды!», развитие международных связей в сфере добровольчества (участие в волонтерских лагерях, прохождение «добровольного социального года» и альтернативной военной службы) и др.

www.pmem.ru

www.volonter59.ru

Geschichtswerkstatt Europa der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“

«Мастерская история Европы» – это программа немецкого фонда «Память, ответственность и будущее», посвящённая памяти жертв национал-социализма. Её цель – побудить молодых европейцев к диалогу о чертах сходства и различия в памяти о трагических событиях двадцатого века на национальном, региональном и местном уровнях.

Реализацией проектов занимается Институт прикладной истории совместно с Европейским университетом «Виадрина». Институт курирует проекты от начального и до конечного этапа, ходатайствует о получении финансовой поддержки, проводит ежегодные встречи участников во Франкфурте-на-Одере. Институтом международного и европейского обучения Лейпцигского университета в рамках данного проекта проводятся различные международные форумы и встречи.

www.geschichtswerkstatt-europa.org

www.stiftung-evz.de

www.institut.net

ЧТО ДАЛЬШЕ?

К истории политических репрессий в СССР

Документальный фильм

Память о государственном терроре в Советском Союзе... Что она из себя представляет в современной России? Насколько она востребована? Сделаны ли выводы? Так ли уж далеко мы ушли от повторения ГУЛАГа? Или он всё ещё рядом с нами?

Эти и другие вопросы волнуют молодых людей, участников российско-немецкой летней школы, организованной пермским Молодёжным «Мемориалом» и бременским Центром изучения истории Восточной Европы. На примере отдельных музеев Пермского края они изучают и анализируют сегодняшние уровни и варианты сохранения памяти о трагическом прошлом.

Мануэла Путц, соруководитель проекта: «Фильм одновременно улавливает диаметрально противоположные настроения: не всегда те, кто выражает инициативу, являются убеждёнными демократами или сторонниками переосмысления тоталитарного прошлого. В фильме отражены мнения депутатов Пермской городской думы и активистов по защите прав человека, бывших надзирателей и бывших политических заключённых, а также деятелей культуры из Перми и Санкт-Петербурга. Все они описывают своё видение традиций, вышедших из лагерной культуры, которые и сегодня ещё бросают тень на российское настоящее и оказывают влияние на культуру памяти».

Фильм снят на средства программы «Мастерская истории Европы» немецкого фонда «Память. Ответственность. Будущее».

Использованы фрагменты видеофильма «Дом, в котором мы живём» студии «Роковой случай» исправительной колонии № 35.

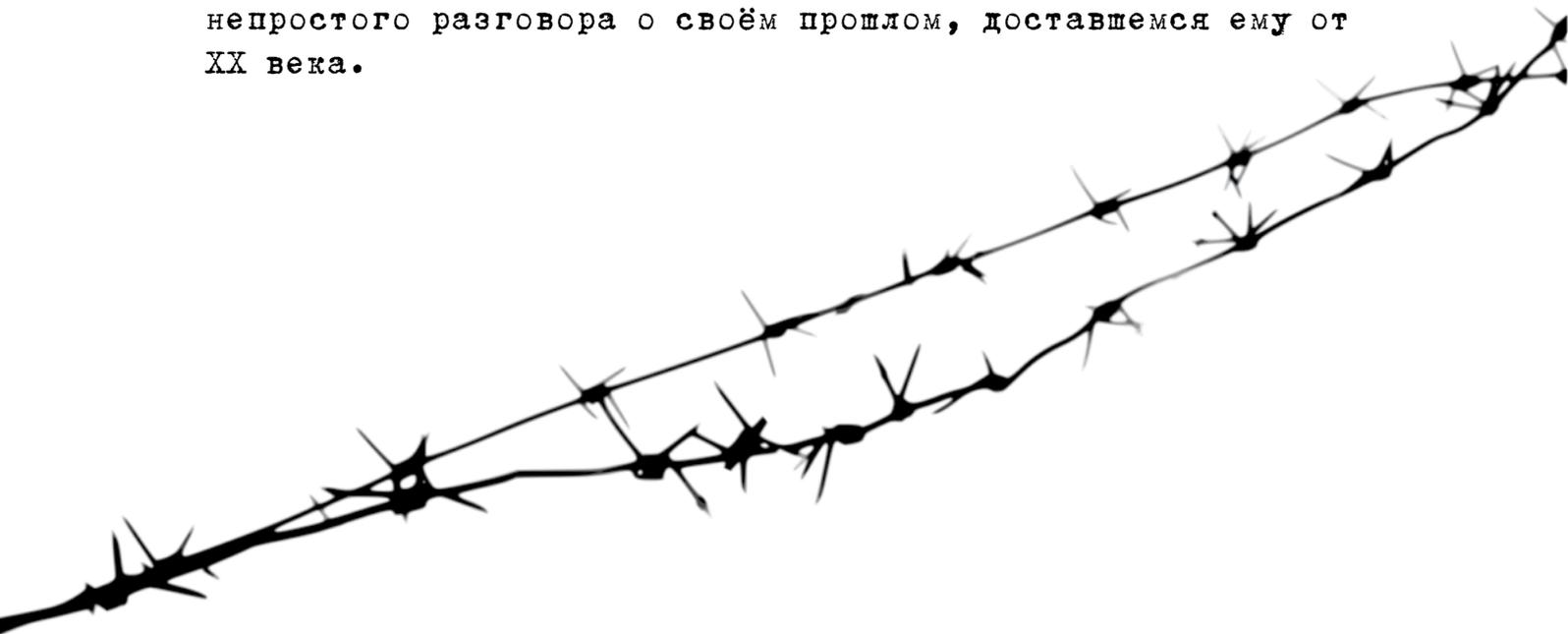
Режиссура, сценарий, монтаж: Александр и Наталья Романовы.

Видеостудия «Снимается кино», г. Пермь, 2009 год.

Продолжительность: 25 минут 30 секунд.

Студенты и молодые учёные из Германии и России отправились в июле 2009 года в путешествие по Пермскому краю. Они вели наблюдение и анализировали состояние исторической памяти о государственном терроре советского периода, те конфликтные сферы, в контексте которых происходит переосмысление тоталитарного прошлого в современной России. Результаты совместных исследований, размышления и впечатления участников отражены в настоящей брошюре и в какой-то мере передают информацию о состоянии российского общества, которое не может избежать непростого разговора о своём прошлом, доставшемся ему от XX века.

► Forschungsstelle Osteuropa

MEMORIAL

Deutschland e.V.

GEFÖRDERT VON

evz

STIFTUNG
ERINNERUNG
VERANTWORTUNG
ZUKUNFT

UNTERSTÜTZT VON

Institut für
angewandte
Geschichte

